

№12

Декабрь 2022

РУССКИЙ КЛУБ

Скоро Новый год...

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректура
Алена ДЕНЯГА

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»**

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«რუსული კლუბი»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ТЕАТРАЛЬНАЯ ОСЕНЬ В ТБИЛИСИ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12 (ДВЕСТИ) ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
АЛЕКСАНДР БРАЙЛОВСКИЙ
- 21 РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 27 ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИТ ЛЮБИТЬ
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА
- 32 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 38 ЗАКОН ВЕЧНОСТИ ДИНЫ РУБИНОЙ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 41 ТИФЛИССКИЕ БАЗАРЫ
ОТАР ТУРАБЕЛИДЗЕ
- 45 «МЫ ЖИВЫ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА СПОСОБНЫ ЛЮБИТЬ...»
ЕКАТЕРИНА МИНАСЯН
- 49 «ЗВЕЗДЫ СМЕРТИ СТОЯЛИ НАД НАМИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 52 ПРАЗДНИК В ЭФИРЕ
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ

ОТ ДО

Роб АВАДЯЕВ

АРИСТОКЛ ПО ПРОЗВИЩУ «ШИРОКОПЛЕЧИЙ»

Большинству современных людей он известен по понятию «платоническая любовь» – то есть, любовь издали, не обремененная близкими отношениями. Да, наши современники не очень охотно интересуются великими мудрецами прошлого. Но наш герой, коему в этом году исполняется аж 2450 лет со дня рождения, поверьте, заслуживает, чтобы его знал не только узкий круг знатоков. Это великий греческий философ Платон – одна из важнейших фигур в мировой истории и философии. Он является одним из основателей идеалистического направления в мировой философии. А еще он был блестящим организатором. Платон воспитал мощную интеллектуальную школу своих последователей и, по сути, создал в 385 году до н. э. первый в античном мире университет, который мы знаем под вполне современным названием «Академия». Занятия проходили неподалеку от окраины Афин

в священной роще, названной в честь мифического героя Академа, друга Диоскуров. Там изучались философия, математика, астрономия, диалектика, политическая теория, естествознание и многие другие дисциплины. Своей Академией философ руководил долгие сорок лет. А сам же Платон был одним из учеников легендарного Сократа, который, вероятно, и дал ему прозвище, под которым он вошел в историю. Платон – это «широта», то есть широкоплечий, мощный. Есть свидетельства, что философ был совсем не тщедушным ботаном, а, напротив, силачом и почти двухметровым гигантом. Говорили также, что мудрец был еще и олимпийским чемпионом по панкратиону, ныне известному, как борьба без правил. И с таким здоровяком полемизировать приходилось очень-очень вежливо, а то можно было и огрести. И, кстати, настоящее имя Платона – Аристокл. Он родился то ли в Афинах, то ли на острове Эгина в самый разгар Пелопоннесской войны в аристократической семье. По отцу происходил из рода последнего атического царя Кодра, а по матери его предком был сам великий законодатель Солон – бедняком Платон никогда не был. Однажды, по легенде, богатство даже спасло его от неприятностей. Дело вроде было так: отправился молодой мудрец на Сицилию в Сиракузы создать на практике идеальное государство, благо местный тиран Дионисий-младший благоволил к его идеям. Но среди сиракузцев возникло против Платона, который достал своими речами, возмущение. Однажды его дружной толпой скрутили и потащили на невольничий рынок продавать в рабство. Платон успел украдкой передать свой набитый золотом кошелек другу. Когда же его так продали езезжему торговцу, и тот повел его к кораблю, друг вернул золото. И Платон немедленно выкупил себя на волю. Так что рабом он пробыл меньше часа. В отличие от других великих философов, Платон всегда был благополучен и популярен. Настолько, что его рукописи давали изучать за деньги. Самое известное из его 36 философских сочинений – «Res publica», «Диалоги Платона», и сейчас признается гениальным трудом. Пожил он немало для древних веков – семьдесят лет, и много успел. Но

Платон уникален еще и тем, что говорит с нами «своим языком» – его труды дошли до нас в оригинале. А еще он немало писал литературной прозы – стихов и эпиграмм. Просто однажды Аристокл-Платон решил, что литература – это несерьезно, и все уничтожил. Осталось несколько иронических стихотворений. Вот одно, по которому мы можем судить о его чувстве юмора, довольно-таки «черном»:

«Золото некто нашел,
обронивши при этом веревку:
Чтобы тот же, кто золото то потерял,
Смог себе петлю связать».

ПЕРВЫЙ ИЛИ ТРЕТИЙ

Как известно, великий полководец Ганнибал Барка после пятнадцати лет непрерывной войны в Италии, был вынужден вернуться домой в Карфаген, чтобы защищать родину от римского нашествия. Но в сражении при Заме непобедимый полководец потерпел чуть ли не единственное поражение от римских легионов под командованием Публия Корнелия Сципиона Африканского. Карфаген сдался и пошел на унижительный мир с полной потерей своего флота. Больше римлянам их извечный соперник был не опасен. А своего гениально-полководца карфагеняне собирались выдать Риму, и он, не дожидаясь этого, отправился в изгнание. Старый воин был оскорблен таким предательством родной страны и поехал в державу Селевкидов в

город Тир, чтобы встретиться с царем Антиохом III и подбить его на войну с Римом, в которой вновь хотел поучаствовать. Но в Тире Ганнибал царя не встретил и поехал догонять его в Эфес, великий торговый центр. В этом красивом городе старый военачальник неожиданно встретил своего старого врага Сципиона. Тот приехал сюда с дипломатической миссией. Враги были хорошо знакомы – не раз участвовали в переговорах друг с другом – и обрадовались встрече. Они уважали друг друга и не испытывали личной вражды, к тому же Сципион отличался приятным характером и был не спесив. Полководцы прогуливались по мостовым роскошного Эфеса. Причем, Ганнибал шел немножко впереди, хотя Сципион должен был ступать первым, как победитель. Но римлянин только улыбнулся, проявив вежливость. Они присели на мраморную скамью у дорогого трактирчика на улице Куретов, чтобы выпить по кубку пряного вина и заговорили о великих полководцах. Ганнибал сказал, что считает первым из полководцев Александра Македонского, вторым назвал царя Пирра, а третьим себя. Сципион снова улыбнулся и, чуть лукаво, приветливо спросил: «А что бы ты сказал, если бы не я победил, а ты?» И, как написано у Плутарха, Ганнибал строго и значительно ответил: «Тогда бы не третьим, а первым считал я себя среди полководцев».

АНТИЧНЫЙ КОСМОПОЛИТ

Если кого и можно назвать современным молодежным словечком «фрик», то это бесспорно нашего героя. Судите сами – родители отправили его в юности к дельфийской пифии. Так было принято, чтобы хоть немного попытаться предсказать будущую взрослую жизнь недоросля. Да и денег это стоило немалых. Но нашему молодому человеку пифия выдала туманное предсказание «переоценить ценности». Вы бы поняли что это значит? А юноша понял в меру своего разума и стал... фальшивомонетчиком. Круто, а? Правда, занимался этим криминалом наш «фрик» недолго, его быстро «вычислили». Пострадал и отец – меняла в портовом черноморском городе Синопе. Отца горожане простили, а юноше, которого звали Диоген, пришлось бежать вместе со своим подельником – рабом по имени Манес. Добралась эта парочка до Афин, где раб попросту сбежал от своего непрактичного хозяина. Новые афинские знакомые предложили Диогену заявить

куда следует о побеге раба, ведь без слуги жить непросто. На что неудачливый фальшивомонетчик ответил как-то странно: «Позорно, что Манес без Диогена может жить, а Диоген без Манеса не может». И в этом был весь Диоген. Он оказался настоящим философом в жизни, который не только изрекал истину, но и жил по ней. Он примкнул к киникам (циникам), став учеником Антисфена, последователя Сократа. Они были аскетами, ограничивающими свои потребности до совершенного минимума, отстранялись от культуры и общества, не заводили семей, не участвовали в жизни государства, не признавали его и не занимались политикой. Но Диоген превзошел своей экстравагантностью всех предшественников. Он не следил за собой, ходил в рванье или практически голышом, не имел дома и жил в огромном глиняном кувшине-пифосе, похожем на большой грузинский кувшин. Диоген жил жизнью эдаких древнегреческих хиппи – был наглым, назойливым побирушкой и бродягой, на халяву ходил на свадьбы и мужские посиделки с выпивкой. Часто устраивал шумные скандалы. Но афиняне любили его за острый язык и всевозможные выходки. Он троллил всяких умников похлеще Джона Леннона и успел повстречаться и поговорить (а иногда попросту нахамить) с целой кучей современных ему знаменитостей – Платоном, Демосфеном, Аристиппом, Евклидом и другими, благо его кувшин стоял на центральной площади. Платону от него доставалось особенно. Когда мудрец из Академии опрометчиво в пылу спора назвал человека «животным на двух ногах, лишенным перьев», Диоген ошипал петуха и принес Платону. А в другой раз, когда Диоген мыл овощи в ручье, Платон, намекнул, что при каком-нибудь богаче Диогену не пришлось бы мыть самому овощи. И получил ответ, что если бы он, Платон умел мыть овощи, то ему не пришлось бы искать милости у богачей. Горожан Диоген называл неразумными скотами и ходил днем с фонарем, объясняя, что ищет хотя бы одного человека. Или, прокричав «Люди!», начинал избивать палкой прибежавших, сообщая, что он звал людей, а пришли мерзавцы. Но в Афинах его все равно любили. Когда один мальчишка разбил кувшин Диогена, его выпороли и предоставили философу новое жилище поудобнее – более просторный кувшин. А случалось Диогену и довольно рискованно шутить с опасными людьми. Молодой завоеватель Александр Македонский пришел посмотреть на знаменитого насмешника-мудреца. Он остановился перед небрежно

развалившимся загорающим Диогеном и сказал: «Проси что захочешь! Все исполню». На что наглый циник ответил: «Отойди в сторонку, ты мне загораживаешь солнце». Все были шокированы, а великий военачальник задумчиво сказал: «Пожалуй, я хотел бы быть Диогеном... если бы не был Александром», и со смехом ускакал в хорошем настроении, велел прислать Диогену кувшин приличного вина. Этот мудрец отвергал все виды неравенства между людьми, высмеивал знатное происхождение, славу и богатство. Единственным истинным государством он считал весь мир и называл себя «гражданином мира» и космополитом. А еще Диоген отрицал и семью, и государство. Он говорил, что жены должны быть общими. Над этим все смеялись. Хотя, многие красивые горожанки находили Диогена интересным и оказывали ему знаки внимания. А знаете, этот беспутный и одинокий человек все-таки испытал радость семейной жизни. Но и это произошло, как и многое в его жизни, абсолютно по-дурацки. Диоген в очень взрослом возрасте решил отправиться посмотреть мир, но его корабль захватил известный пират и забрал философа к себе рабом. Диоген быстро навел в семье свои порядки, да так, что стал буквально главой дома. Его полюбили дети пирата. А Диоген стал учить их всем наукам, астрономии с географией и даже фехтованию. Детишки называли его дедушкой и взяли под полную защиту от грозного отца. Так всю оставшуюся жизнь Диоген и прожил в новой семье. Его там с почетом и похоронили. Хотя и тут не все ясно, о его смерти осталось немало экстравагантных легенд. Например, будто он отравился сырым осьминогом или будто умер в один день с Александром Македонским. Легенды, легенды...

«Дискретные фигуры»

ТЕАТРАЛЬНАЯ ОСЕНЬ В ТБИЛИСИ

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

После двухлетней «ковидной» паузы вновь распахнул двери Тбилисский международный театральный фестиваль. Правда, его международная программа была представлена всего четырьмя названиями. Пятый потенциальный участник не приехал, хотя тбилисские театралы ждали его с большим нетерпением. Ведь творческие коллективы из Ирана – редкие гости на фестивалях: спектакль «Я – женщина, слышишь меня?» режиссера Резы Газизани должен был привезти театр Praxis (Praxis Theatre Group) из Тегерана.

ТАНЕЦ СМЕРТИ И ОДИНОЧЕСТВА

Тем не менее фестиваль порадовал бывалых театралов – четыре труппы, приехавшие из Германии, Нидерландов, Украины и Японии, показали свои лучшие спектакли. Сразу отмечу, что в них отразились процессы, переживаемые современным человеком, – процессы социально-политические, психологические.

Открыл фестиваль спектакль «Танец смерти», поставленный украинским режиссером Владом Троицким на базе

Национального драматического центра Нормандии (Preau CDN de Normandie-Vire). В этом эмоциональном музыкально-драматическом представлении, посвященном трагическим событиям российско-украинской войны, заняты семь артисток украинского коллектива Dakh Daughters, поющих, играющих на различных инструментах, выступающих со страстными, острыми монологами. Впечатляют пластические перформансы с чемоданами, отражающие ситуацию войны – хаос, потерянность, отчаяние.

Но и в мирное время, в повседневности, люди уязвимы и несчастны. Причины разные – одиночество, скудость интересов, бездуховность, жадность, неспособность противостоять обстоятельствам. Что приводит человека к гибели. Об этом – камерный спектакль «Дома клоунов» Кукольного театра Мерлин (Merlin Puppet Theater) из Берлина. Поставил кукольное представление, сделанное в традициях черного юмора с нюансами мрачной готики, режиссер Димитрис Стамбу.

Разыгрывается пять историй. Первая – о страстном телемане, полностью отгороженном от реальности и живущем, по сути, в «ящике». В конце концов это пристрастие оборачивается для мужчины трагедией: телевизор оказывается на его голове – точнее, вместо головы! – и убивает несчастного. Лишенная живого общения героиня другой истории, одна воспитывающая ребенка, настолько погрязла в быту и одичала, что превратилась в подобие зомби. Что тоже приводит женщину к гибели: ее убивают электрические приборы. Третий персонаж обожает деньги и очень напоминает пушкинского Скупого, не желавшего ни с кем делиться своим богатством и в одиночку наслаждавшегося огромными накоплениями. И вот итог: он изрыгает золотые монеты и тоже вскоре умирает. В четвер-

той новелле осуждаются домашние конфликты, злоба, неумение находить общий язык с ближними, в пятой – вечное уныние. Это тоже, как выяснилось, наказуемо: однажды серп Луны, словно секира или гильотина, отсечет тебе, нытику, голову. Страшно? Еще бы! Делайте выводы – предупреждают зрителей создатели спектакля. Отмечу необыкновенно выразительные куклы, обитающие в «Доме клоунов».

Словно в продолжение темы, затронутой в спектакле «Clowns' Houses», – построенная по законам театра физических действий постановка «Lebensraum» («Среда обитания») нидерландской театральной компании Джакоба Ахлбома (Jakob Ahlborn Company). Двое мужчин проживают в небольшой квартире, в которой все механизировано и многофункционально. Они тоже в какой-то мере жертвы выхолощенного, унифицированного мира, в котором однажды появляется еще один «аппарат» – искусственная женщина, кукла для выполнения домашней работы. Но тут механизм налаженной жизни холостяков дает сбой. Роботизированная система перестает подчиняться командам, и кукла начинает вести себя как... живой человек, живая женщина. В доме устанавливается полная анархия, а в финале – матриархат. Актеры (их трое!), обладающие виртуозной техникой, работают просто блестяще! Когда на сцене впервые появляется кукла-хозяйка, у зрителей возникает полная уверенность, что это неживой предмет... но через пять минут неживое на наших глазах становится живым. «Джакоб Ахлбом переносит на сцену магию немого кино с помощью группы Alamo Race Track. Спектакль «Среда обитания» вдохновлен творчеством актера и режиссера Бастера Китона, пионера фарса и физической комедии. Еще в 1920-х годах живая фортепианная музыка сопровождала немые фильмы, в том числе картины Китона, но в «Lebensraum» именно Alamo Race Track обеспечивает музыкальное сопровождение. Группа вместе с режиссером создают атмосферу, возвращающую зрителей в эпоху 20-х годов прошлого столетия» – говорится на сайте театральной компании.

Уровень новых технологий невероятно высок, но способ-

ны ли они заменить живые человеческие эмоции? Впрочем, неизвестно, что именно может их сегодня вызвать – только ли актер из плоти и крови? Судя по реакции зала на спектакле «Дискретные фигуры» – это совместная работа японского режиссера MIKIKO (женский танцевальный коллектив ELEVENPLAY), канадского хореографа Кайла Макдональда и группы Rhizomatiks Research – не только. Постановщики исследуют новые возможности технического и художественного выражения, используя суперсовременные цифровые методики. Передать впечатление от увиденного невозможно! Зрители становятся свидетелями совершенно фантастического взаимодействия хореографии и компьютерных технологий. Рядом с живыми артистами на сцене «играют», «танцуют», двигаются виртуальные танцовщицы, графические и световые образы, геометрические фигуры, полученные путем оцифровки. С помощью электронных проекций на экране появляется «вторая сцена». Проекция создается из фрагментов видео, виртуальных и графических изображений. А в какой-то момент над сценой зависают дроны!

«Дискретные фигуры» – танцевальное представление, генерирующее телесное выражение с помощью методологии, основанной на математическом коллективном интеллекте. Благодаря искусственному интеллекту и машинному обучению, предлагающим новое понимание струк-

туры тела и движений, числовые данные и полученные на их основе аналитические результаты формируют хореографию. Но отбросив мудреную компьютерную терминологию, скажем одно: это было необыкновенно эффектное зрелище!

«АЛЛЕИ ЛЮБВИ» ИЛИ «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»?

«Ах, темен, темен мир, и чувствуют лишь дети, какая тишина и радость в белом цвете...». Это стихи Ивана Бунина. Цвет спектакля театра Грибоедова по бунинским «Темным аллеям» (участник традиционного шоу-кейса Тбилисского международного театрального фестиваля) – белый. В костюмы белого цвета одеты все персонажи (художник по костюмам Наталья Кобахидзе).

Если дать волю фантазии, то режиссер Авто Варсимашвили увидел новеллы цикла «Темные аллеи» как бы через призму этих бунинских стихов. Потому что мучительные любовные переживания, жгучие желания, встречи и расставания, «солнечные удары» и потери показаны в спектакле, при всей драматичности историй и обреченности героев, как чистый и прекрасный мир. Ведь, говоря словами поэта, «несчастной любовь не бывает, даже если она убивает». При этом режиссер не стремится добавить в бунинские новеллы нотки сентиментальной грусти – напротив, какие-то моменты даже сгущены и, подчиненные законам сцены, драматургически усилены.

Персонажи девяти рассказов

«Lebensraum» («Среда обитания»)

«Alarme»

Бунина помещены волею режиссера и художника Мириана Швелидзе (последняя работа выдающегося художника в театре Грибоедова) в условное, наэлектризованное пространство человеческих страстей и экспрессионистской музыки. Это и парижское кафе, и русский постоялый двор, и роскошный номер питерской гостиницы, и кинозал, и танцпол... Возможно, это какой-то перекресток, перехлест путей, где сходятся судьбы разных людей – персонажей «Темных аллей». Они постепенно заполняют и обживают пространство, располагаясь за столиками, сосуществуют в спектакле, истории переплетаются – происходит их запараллеливание. Рождается бунинский мир, насыщенный страстями, ностальгией по утраченному, нежностью и тоской. Этому настроению во многом способствует музыкальное решение – мелодии волнуют, будоражат, поднимают над грешной землей.

Несколько мгновений – и мы оказываемся вместе с героями новеллы «В Париже» в темном зале кинотеатра и видим танцующую пару эпохи великого немого (Нина Калатошвили, Василий Габашвили). Под мелодии Чарли Чаплина. А спустя какое-то время в белом кольце света кружится в хореографическом перформансе декадентствующая Муза (Мари Кития). Все это завораживает... Зрители – на сцене, на расстоянии двух метров от персонажей, и максимально вовлечены в ауру спектакля.

Действие разрывает условное «кольцо» сценической площадки и охватывает всю площадь большого зала театра Грибоедова. Ведь страсти порой захлестывают героев настолько, что они не в силах им противостоять. Как это происходит в рассказе «Руся». И тогда большое белое покрывало, накинутое на театральные кресла в зрительном зале, превращается в «море» (другое «море» волнуется на экране, тоже создавая определенный настрой), в которое с головой бросаются влюбленные как в гибельную стихию. А задняя стена арьерсцены – в борт парохода, на котором у поручика и «прекрасной незнакомки» случился «солнечный удар».

Создавая инсценировку по мотивам рассказов «Темные аллей», «Кавказ», «Муза», «Руся», «Визитные карточки», «Мадрид», «Пароход «Саратов», «Солнечный удар», «В Париже», Авто Варсимашвили подчиняет ее своей концепции: практически все истории в спектакле (не всегда в рассказах) заканчиваются гибелью (смерть от болезни, убийство, самоубийство) одного из персонажей (под названием на афише значится: роковые истории). И почти каждого ушедшего забирает на своей тележке загадочный персонаж – его играет Михаил Арджеванидзе. Он выступает в роли то ли хозяина, то ли распорядителя в «бунинском» кафе. И вместе с тем напрашиваются параллели с мифологией, с перевозчиком душ Хароном, отворяющим врата смерти и увозящим на своей тележке очеред-

ную жертву «аллеи любви». При всем при этом в постановке читается и культурно-исторический контекст: ведь Бунин написал не только истории роковой любви, но и энциклопедию утраченной русской идиллии. И это проявлено в спектакле. В финале, когда все бунинские персонажи уходят со сцены в зал, словно в прошлое, и оттуда прощаются со зрителями.

В спектакле интересно, в чем-то неожиданно, по-новому раскрывается творческий потенциал участников, это: Ирина Мегвинетухуцеси, Нина Кикачеишвили, Мари Кития, София Ломджария, Нина Калатошвили, Анна Николава, Гванца Шарвадзе, Хатиа Бериашвили, Валерий Харютченко, Арчил Бараташвили, Дмитрий Спорышев, Зураб Чипашвили, Василий Габашвили, Владимир Новосардов.

Пронзительный образ Руси, Маруси, Марьи Николаевны создает Наталья Воронюк. Режиссер объединил этим персонажем два рассказа – «Руся» и «Визитные карточки». В первом Руся – восторженная, немного эксцентричная девица, мечтающая о большой любви, но возможное счастье разрушает деспотичная мать (Карина Кения). А во втором, уже став Марьей Николаевной, она предстает пусть и разочаровавшейся, но все еще идеалисткой, по-прежнему грезящей о прекрасном чувстве как о чуде. И опять терпит фиаско – в этот раз ее любовь без взаимности и разбивается о цинизм и равнодушие.

Нелегкая задача выпала Лаше Гургенидзе – выйти на сцену в образе писателя, вернее, тактично намекнуть на это. Хотя речь тут идет скорее о нафантазированном режиссером легком эскизе, нежели реальном образе Бунина. В постановке с ним тоже связан некий фатум – ведь именно персонаж Л. Гургенидзе становится причиной гибели Марьи Николаевны. И именно ему суждено завершить спектакль, став свидетелем обжигающей исповеди героя «Солнечного удара». В этой сложнейшей партии, которая становится логическим и эмоциональным завершением, финальным аккордом спектакля (Бунин анализирует в рассказе момент выбора, который оказывает влияние на судьбу челове-

«Insenzo»

ка), вначале выступал актер Вану Курасбедиани. Позднее его заменил Олег Мchedlishvili. Войдя в уже готовый рисунок, он внес в него живую, искреннюю интонацию.

ГРЕЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ «GIFT»
Юбилейная программа Тбилисского международного фестиваля искусств имени Михаила Туманишвили «Подарок», проводимого в 25-й раз, была посвящена, по сути, греческому театру. Что вполне логично, ведь, кроме того, что сценическое искусство родилось в Древней Греции, театральные деятели этой страны нередко становились участниками «Gift».

На этот раз тбилисцы познакомились с творчеством классика греческого театра Теодороса Терзопулоса – признанного режиссера, педагога, автора книг по теории театра, председателя Международного Комитета театральной Олимпиады, основателя Международного собрания античной драмы в Коринфе, основателя театральной группы «АТТИС». Наш зритель получил уникальную возможность посмотреть спектакль Терзопулоса «Alarme». Это первая часть его трилогии, в которую вошли, вместе с «Alarme», – «Amor» и «Epcore». В каждой из них режиссер анализирует природу конфликта. В основе «Alarme» (allarme в переводе с итальянского – тревога, беспокойство, волнение, переполох) – противостояние английской венценосной особы Елизаветы I и обладательницы шотландской короны Марии Стюарт. В спектакле этот всем знакомый исторический конфликт получает яркое образное выражение. Начнем с того, что

оба существа женского пола, облаченные в пестрые обтягивающие костюмы, помещены лицом к лицу в какое-то узкое длинное пространство, расположенное по диагонали – что-то вроде желоба. Они медленно сближаются и напоминают то каких-то опасных пресмыкающихся, готовых ужалить друг друга, то кошек, которые вот-вот сцепятся в жестокой, смертельной схватке. А пока обвиняют друг друга, изрыгают оскорбления (на разных языках), совершают угрожающие действия, в том числе мимического характера. В их агрессивной лексике постоянно звучит слово «кровь». В ненависти конфликтующие стороны так заходятся, что в какой-то момент их языки превращаются в извивающиеся змеиные жала... И каким контрастом к изнурительной для обеих войне не на жизнь, а на смерть звучат высокая музыка и ангельское пение!

Поразительный факт: если не знать о том, что в основе пьесы – противостояние двух титулованных женщин и что спектакль был поставлен более десяти лет назад, может возникнуть впечатление, что речь идет о сегодняшней международной ситуации...

Интересен финал, когда две враждующие сущности сливаются в одно-единое тело! На сцене постоянно присутствует и третий, выполняющий роль древнегреческого хора. Он беспощадно комментирует речи королев стихами греческого поэта Танасиса Алевриса, в его тексте педалируется оскорбительное слово «путана».

В рамках фестиваля состоялась презентация книги Теодороса Терзопулоса «Возвращение Диониса» на грузинском языке. Перевод осуществила Татиа

Мтварелидзе. По словам режиссера, спектакль «Аларме» – реализация принципов, изложенных в книге. «Эта книга маленькая, но с эстетической точки зрения очень важная. Главный ее принцип – концентрация. Без нее невозможен энергетический обмен между людьми. Я не верю в методы – я верю в изменения, метаморфозы. Метод – живое и открытое пространство». Терзопулос называет себя экософом, а еще анархистом, который стремится привести в порядок свой внутренний хаос. По его убеждению, театр может существовать как мастерская многообразного мира. Терзопулос выделил в книге три момента: тело – оно закрыто, и его нужно освободить; вечная импровизация – искусство начинается там, где кончается биография; голос. Режиссер сказал о своей мечте – это актер на абсолютно пустой сцене, стоящий перед публикой, как перед расстрелом. В своих эстетических предпочтениях Терзопулос – за многообразие, многоцветье искусства.

«В этой книге есть глава «Очарование», глава «Страсть», глава «Скорбь». Я говорю, что очарование – это дочь смерти и сестра скорби. Это все элементы нашей работы, элементы, которые использует Дионис в своем преображении. Дионис – то человек, то бог, то змея, то животное, то добрый, то злой, то женщина, то мужчина – и это и есть театр, это и есть актер, и есть весь процесс преобразования. Поэтому книга называется «Возвращение Диониса». В современном мире мы стараемся не рассматривать эти вопросы. Сейчас мы не смеемся, не плачем; у человека нет такой необходимости выражения

чувств. Поэтому в этой книге вы увидите многое, что касается театра, но не только театра, книга касается также жизни, человеческого существа. И, возможно, книга будет интересна и актерам-студентам, и зрителям, и всем людям», – говорит режиссер.

Грузия в эти дни приветствовала еще одного выдающегося грека – писателя, драматурга, переводчика, мыслителя Димитриса Димитриадиса. Его вместе с режиссером Михаилом Мармариносом приняла во дворец князей Орбелиани президент Грузии Саломе Зурабишвили. А в театре Марджанишвили прошла художественная читка одного из наиболее известных произведений Димитриадиса «Я умираю, как страна» в переводе все той же Татии Мтварелидзе. Написанное через несколько лет после падения диктатуры полковников в Греции (хунта была у власти с 1967 по 1974 гг.), оно повествует о бедах страны, находящейся в состоянии кризиса и ожидания приближающегося краха, вызванного не столько внешними факторами, сколько внутренними: коррупцией и распадом, царящими на каждом уровне: «страна», «нация», «народ». Повествование заканчивается яростным, жестким и отчаянным женским монологом.

В театре Марджанишвили текст прозвучал в блестящем исполнении актера, режиссера Зураба Гецадзе, переводчицы Татии Мтварелидзе, а также постановщика художественной читки и бессменного худрука фестиваля, актрисы и режиссера Кети Долидзе, по словам которой произведение Димитриадиса касается каждой страны,

Димитрис Димитриадис и Кети Долидзе

«Хозяйка гостиницы»

в том числе и Грузии. «В шутку я сказала автору, что у меня ощущение, будто это написано мной. Так человек воспринимает в том случае, когда текст действительно гениальный!» – отметила Долидзе.

После читки Димитриадис размышлял о причинах нынешней актуальности своего произведения, написанного в 1978 году. «Я сам удивляюсь тому, что текст, который я написал, сидя один в запертой комнате, получил такую популярность у широкой общественности. Несмотря на то, что сегодня я не понимал, о чем говорят со сцены выступающие, они выражали эмоцию, связанную с текстом, и эта эмоция заставила меня вновь вспомнить прошлое и думать о настоящем. Мир постоянно находится в драматической ситуации, и это истина для всех нас, для каждого человека, везде».

Состоялась встреча с еще одним известным греческим деятелем культуры, которого в Тби-

лиси давно считают своим. Это режиссер Михаил Мармаринос, показавший во время встречи с грузинской театральной общественностью видеосюжеты – они дают представление о его творческих экспериментах, в том числе, вне сценической коробки. Это масштабные постановки по произведениям Димитриса Димитриадиса «Я умираю, как страна» и «Инсенсо». Спектакли ставились в разных странах, с привлечением большого количества людей.

По словам Мармариноса, труднее всего работать с Хоросом (хором). Об этом понятии режиссер говорил особо, как о древнейшей национальной структуре творчества. Хорос – это индивиды, находящиеся в единой ситуации, в едином пространстве. Хорос играл важную роль в древнегреческих пьесах, но он есть и в современном материале, а также в реальности. «С помощью Хороса мы можем почувствовать, в какой ситуации сейчас находится общество! – отметил режиссер. – Хорос, состоящий из индивидуумов, позволяет расширить возможности для неожиданностей, контролировать хаос. В этих постановках протагонист – Хорос. Он связан с ритмом спектакля, произведения. Важна музыкальность всего происходящего и сюрпризы. Театр существует для того, чтобы глубже показать реальность».

Мармаринос рассказал о методике своей работы – биоэнергетике. «Я никогда не говорю с актерами о чувствах. Думать об этом запрещено – как и играть чувства. Эмоция принадлежит

нервной системе человека, и он не может ее контролировать. Мы не работаем с эмоциями. А если хотим их вызвать, то добиваемся этого другими путями. Далее. Я не прошу произносить текст наизусть – нужно его рассказывать. В каждом тексте есть код, который подскажет, как выразить суть. Свой опыт не передашь другому. Репетиционный процесс – акт инициации, обретения опыта. Я не люблю много говорить на репетиции, но даю импульс. Хочу, чтобы актер был свободен, свободен в своих чувствах».

В рамках «Gift» впервые была представлена обширная студенческая программа. Стартовала она комедией Эдуардо де Филиппо «Страх номер один» в постановке Нануки Хускивадзе. Создатели спектакля, разыгранного начинающими актерами, уже вполне готовыми для профессиональной сцены, не избежали соблазна актуализировать пьесу итальянского драматурга. Тем более что ее актуальность слишком уж очевидна: по сюжету герой пьесы Маттео одержим страхом перед войной. И этот страх принимает формы паранойи.

А завершил фестиваль еще один знакомец из Италии – Гольдони! Перед началом веселого представления выступил посол Италии Энрико Вальво – именно дипломатическое представительство организовало приезд труппы. Театральная компания «Proxima res» показала классическую «Хозяйку гостиницы», с берущими за душу итальянскими песнями, стилизованными париками и костюмами и минимумом декораций. Вдоль сцены – длинный белый то ли стол, то ли подиум. Артисты существуют «над» и «под» ним. Те, что «под», подслушивают тех, кто «над». Занавес или задник – как угодно! – это внушительный ряд пестрых костюмов гольдониевского театра. Распахивается «занавес» – и появляются персонажи, взаимодействующие по ходу спектакля не только друг с другом, но и с куклами, которые находятся тут же, под рукой – на столе-подиуме. По всей видимости, создатели спектакля (режиссер Андреа Киоди, художник Маргарита Балдони) хотели напомнить зрителям о том, что Гольдони с детства увлекался театром, играя в куклы.

«Аллеи любви»

Но если в итальянском спектакле куклы были лишь удачным художественным дополнением, то в постановке Георгия Абхазава «Дон Кихот Ламанчский» в Тбилисском камерном театре они в полном смысле этого слова царствовали. Жанр определен так: мистерия для кукол. Обаятельный старик с всклокоченными волосами на голове и такой же бородой (вместе с не менее обаятельным «пивным» толстячком Санчо Пансой) самоотверженно и пафосно противостоит злу всего мира в лице жутковатой, прямо скажем, святой инквизиции – особенно впечатлила костлявая рука Великого инквизитора, которую зрители увидели прежде, чем разглядели его inferнальное лицо... Сценография тоже намекает на мистику: проржавленное железо, песок, часть фрески, словно отодранной со стены брошенной церкви (сценография и куклы Нино Кития).

В спектакле много диалогов и монологов философско-религиозного характера, красивых сцен. Одна из наиболее выразительных – философская беседа у костра. Как подчеркнул Абхазава, постановка «Дон Кихота Ламанчского» имела сакральный смысл для рождения Тбилисского камерного театра. Хотя бессмертное произведение Сервантеса – как и образ Дон Кихота – вообще имеет сакральное значение для развития мировой культуры, провозглашая гуманистические ценности. И финал спектакля Георгия

Абхазава это подчеркивает: мы видим летящего на легендарном Росинанте рыцаря печального образа.

Вновь об актуальности. В спектакле звучат тексты, отсылающие к современности, вроде этого: «И что такое сумасшествие? Ведь весь мир давно превратился в один сумасшедший дом!» Авторы дают понять, что время бескорыстных героев, борющихся со злом, подобных Дон Кихоту, безвозвратно ушло в прошлое.

Картина осеннего театрального Тбилиси будет неполной, если не сказать о том, что Союз молодых театральных деятелей имени В. Гуниа (YTA UNION) – национальный центр Грузии OISTAT, возглавляемый Ниной Гуниа, организовал IV международную биеннале сценографии. Состоялась выставка современного сценического дизайна (место проведения – Литературный музей имени Г. Леонидзе), в Национальном центре исследований грузинского искусства и охраны памятников им. Г. Чубинашвили был создан павильон украинских сценографов, посвященный теме войны. А в Национальной парламентской библиотеке Грузии прошел международный симпозиум «Время: пандемия, война, театр». Ведь от неприглядной, драматичной реальности никуда не уйдешь, а Дон-Кихотов действительно не осталось...

(ДВЕСТИ) ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

— Александр БРАЙЛОВСКИЙ

«В первый понедельник апреля 1625 года все население славного городка Менга, где некогда родился автор «Романа о Розе», было взбудоражено так, словно гугеноты вознамерились превратить его во вторую Ла-Рошель».

Так начинается главная книга моей жизни.

В последнюю субботу ноября 2002 года все (ну, не все) население города Парижа, куда некогда приехал за славой и удачей будущий автор «Трех мушкетеров», было взбудоражено так, словно... гугеноты вознамерились превратить его во вторую Ла-Рошель.

Зачем пародировать классику, когда можно просто, без затей, его цитировать?

30 ноября 2002 года Париж был действительно взбудоражен, точнее, не весь Париж, а Латинский квартал, а еще точнее — наблюдалась необычная активность в пространстве

между Люксембургским дворцом, где размещается Сенат — верхняя палата французского парламента, и Пантеоном — государственной усыпальницей выдающихся сынов нации: в этот день в Пантеон должны были перенести останки Александра Дюма.

Вообще-то здание во второй половине XVIII века было задумано не как усыпальница, а как новая церковь Святой Женевиевы, поскольку старая совершенно обветшала. Однако строительство затянулось на 30 лет и завершилось в самый разгар Великой Французской рево-

люции. Отношения с религией у санкюлотов были скверные, и новая церковь была совсем не ко времени. Тут очень кстати скончался один из революционных вождей — граф Мирабо, и новое руководство постановило, что церковь народу совершенно ни к чему, зато необходима достойная усыпальница для Мирабо и других выдающихся личностей, которым еще предстоит когда-нибудь умереть. В здании были замурованы окна, уместные в христианском храме, но излишние для гробницы, и туда торжественно внесли гроб с останками революционного графа.

Решили также заменить фронтон, на котором была изображена святая Женевиева, на новый, где Отчизна выдавала лавровые венки своим достойным сыновьям, а История записывала в свои скрижали их славные деяния. Надпись гласила: «Великим людям — благодарное отечество». Этот фронтон можно видеть и сегодня.

Тем временем король Людовик XVI, находившийся фактически под домашним арестом во дворце Тюильри, попытался бежать из Франции, был арестован, обвинен в государственной измене, судим, приговорен к смертной казни и обезглавлен на площади Революции. Среди его бумаг обнаружили письма графа Мирабо, который предлагал королю за 5 миллионов ливров восстановить монархию и устроить так, что революционный народ с криками «Да здравствует король!» на руках отнесет королевскую семью обратно в Версаль. Блистательный оратор Мирабо был вполне на это способен — и на восстановление монархии, и на высокую оценку своих услуг. Сделка не состоялась: очевидно, у короля таких денег не оказалось, зато вождь, наоборот, оказался предателем, и оставить его после этого в Пантеоне было никак нельзя, поэтому под покровом ночи останки трибуна-негодяя были вынесены из национальной усыпальницы и увезены в неизвестном направлении — по всей вероятности, до ближайшего рва, где хоронили бедняков и казненных.

Пантеон опустел, но нена-

долго. Следующим его обитателем, если можно так сказать о покойнике, стал Жан-Поль Марат, которого заколола кинжалом Шарлотта Кордэ (и правильно сделала, ибо Марат был одним из зачинщиков кровавого революционного Террора). Власти обрадовались, отправили отважную Шарлотту на гильотину, а Марата с помпой похоронили в Пантеоне.

Однако через несколько месяцев Террор завершился Термидорианским переворотом: французы решили, что не для того штурмовали Бастилию, чтобы теперь всем подряд отрезали головы недавно изобретенной машинкой. В свете последних событий ореол Марата изрядно потускнел, и останки кровожадного террориста последовали за останками Мирабо.

Пантеон опустел снова. Власти задумались. Получалось как-то несолидно: не успеешь с почестями похоронить в Пантеоне великого человека, как он оказывается мерзавцем, и его приходится тайком выносить и везти на свалку. Тут-то и было принято мудрое решение не хоронить в Пантеоне свежих покойников, а только после испытательного срока не менее 10 лет. Если за это время не будет обнаружен какой-нибудь компромат и великого человека будут по-прежнему считать таковым, можно переносить в Пантеон. А в Пантеоне, чтобы не пустовал, решили перезахоронить сразу двух проверенных временем покойников — писателей Вольтера и Руссо. При жизни они терпеть друг друга не могли, но отныне мирно покоились в новой церкви Святой Женевиевы, то есть, пардон, в Пантеоне, где находятся и поныне.

На протяжении XIX века здание из-за смены политических режимов то становилось церковью Святой Женевиевы, то опять усыпальницей для выдающихся деятелей. Последний раз оно стало Пантеоном в 1885 году по случаю кончины Виктора Гюго, который пользовался такой славой и авторитетом, что никто и не заикнулся об испытательном сроке: Гюго стал последним, кого сразу похоронили в Пантеоне.

Инициатива переноса в Пантеон останков Дюма принадлежала Обществу друзей Александра Дюма, которое в 1970 году основал академик Ален Деко с целью спасти от разрушения замок Монте-Кристо в Пор-Марли, построенный по заказу самого Дюма, который после выхода «Мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо» возмнил себя богачом. Там писатель прожил два года, прежде чем был вынужден продать свой новый замок за долги.

Всякий раз, когда журналисты спрашивали Алена Деко, откуда возник его интерес к истории, а главное, умение так занимательно о ней рассказывать, академик без колебаний отвечал: «От Александра Дюма!» Вероятно, у Дюма же он научился и верно дружить: Деко не только спас дом любимого писателя от разрушения, но и сделал все возможное для его восстановления. Там Общество друзей Дюма и базируется по сей день.

Должен признаться, что, несмотря на восхищение книгами и личностью Алена Деко, я, будучи в те времена членом Общества друзей Дюма, проголосовал против переноса, хотя люблю Дюма не меньше, чем сам академик и все Общество друзей, вместе взятые. Я

точно знал, что никогда не приду на могилу Дюма в музейно-бездушный Пантеон в день его рождения, как ежегодно ездил на скромное кладбище его родного Виллер-Котре. И 24 июля 2002 года, когда Дюма исполнилось 200 лет и решение о переносе его останков в Пантеон было уже принято (мой голос «против» оказался единственным, и Ален Деко без труда убедил президента Франции Жака Ширака в том, что Дюма необходимо «пантеонизировать»), я знал, что откупориваю шампанское на могиле Дюма в последний раз. Кроме нашей семьи, там оказалась еще одна пара примерно нашего возраста, у них тоже было шампанское, мы с понимающей улыбкой чокнулись и сказали: «Один за всех, все за одного!»

Логика Алена Деко и всех тех, кто хотел, чтобы Дюма покоился в Пантеоне, понятна: им хотелось исправить полуторачковскую несправедливость по отношению к писателю, который оказался жертвой собственной популярности. В самом деле, в середине XIX века во Франции, да и во всей Европе, не было более любимых и читаемых книг, чем «Мушкетеры», «Граф Монте-Кристо» и «Королева Марго». У собратьев по перу это вызывало зависть и раздражение,

Парижский Пантеон

«Три мушкетера». Иллюстрация Мориса Лелуара

тем более, что Дюма жил шумно, ярко, постоянно что-то публиковал, не любил оставаться в тени, и многим казалось, что его везде слишком много – и в литературе, и в жизни. Возможно, так оно и было. А критики и литературоведы, которые зачастую мнят себя жрецами при храме Изыщной Словесности, исходили из того, что словесность поистине изыщная и глубокая может быть доступна лишь немногим избранным и только ими оценена по достоинству. А уж никак не широкими читательскими массами с их низменными вкусами. Из этого следовало, что книги, обожаемые широкими читательскими массами, к изыщной и глубокой словесности относиться никак не могут. В этом, разумеется, тоже есть некоторая логика, хотя и не бесспорная: если представить себе публику, заполнявшую в XVI веке лондонский театр «Глобус», где шли пьесы Шекспира, и явно понимавшую эти пьесы без пояснительных сносок, или публику Мольера полвека спустя, когда театр считался злосчастным местом, не лучше борделя, а актеров, в отличие от проституток, даже нельзя было

хоронить в освященной земле обычного кладбища, уничтожили Дюма явно не правы. Кроме того, люди, мнящие себя жрецами чего бы то ни было, как правило, обделены чувством юмора, и таким людям получать удовольствие от чтения Дюма крайне тяжело. Хуже: даже получая удовольствие от чтения его книг, они стыдятся в этом признаться, дабы не прослыть, упаси Боже, легкомысленными и несерьезными. Поэтому, например, в скучнейшей «Истории французской литературы» профессора Анри Лансона об Александре Дюма было вскользь замечено: «вся эта писанина, столь же обильная, сколь и вульгарная...» Должно быть, когда Дюма решили перенести в Пантеон, профессор Лансон не раз перевернулся в гробу. (И пусть себе там вертится. Кто его сейчас вспоминает, кроме злопамятного меня...)

Очевидно, для академика Деко и других членов Общества друзей Дюма официальное признание заслуг и значения любимого писателя было очень важно. Много лет назад это было бы важно и для меня: в детстве и ранней юности я заводился

с полуоборота, ввинчивался в потолок и до хрипоты спорил, когда мне пытались внушить, что «Три мушкетера» в чем-то уступают «Анне Карениной» или «Преступлению и наказанию». Спорить я давно перестал (видимо, подрос), но совсем не потому, что признал правоту своих оппонентов: просто вспомнил персонажа романа Уилки Коллинза «Лунный камень», старого дворецкого Беттереджа, который всю житейскую мудрость черпал из «Робинзона Крузо», откуда у него были цитаты на все случаи жизни. У каждого читающего человека есть своя, личная книга, которая ведет его по жизни. «Каждый выбирает для себя», и спорить тут не о чем.

...В те относительно недалекие времена, когда дети еще читали книги, это было похоже на одну из неизбежных болезней, вроде скарлатины или ветрянки: человек открывал книгу, пробегал глазами несколько строк и... пропадал. Симптомы были почти у всех одинаковые: дыхание учащалось, глаза начинали лихорадочно блестеть, аппетит резко падал, сон почти исчезал, ночью, заглянув в его комнату, можно было заметить пробивающийся из-под одеяла луч фонарика, и все это продолжалось до тех пор, пока не была перевернута последняя страница. Потом наступала реакция. Некоторое время человек грустил – то ли от того, что книга кончилась, то ли от того, как она кончилась. Потом жизнь брала свое, наступало выздоровление, и юный человек приходил к выводу, что книга на самом-то деле вовсе не кончилась, и не кончится до тех пор, пока он сам и его верные (какие же еще?) друзья будут сражаться во дворе деревянными шпагами во имя великих идей дружбы и справедливости. Хотя откуда мне знать, как это происходило у всех? Знаю только, что у меня и моих ближайших друзей детства – Гранта, Дато и Андрея (они же Атос, Портос и д'Артаньян) это происходило именно так.

...В июне 2011 года я впервые повез в Грузию мою французскую жену. Из Парижа мы летели через Киев, так было

дешевле. В киевском аэропорту, в очереди на посадку на тбилисский рейс, на меня очень пристально, прямо-таки до неприличия, уставился какой-то незнакомый мужчина. Я недоуменно поднял бровь: мол, в чем дело, сударь?

– Извините, пожалуйста, – сказал он с родным грузинским акцентом, – вас, случайно, не Саша зовут?

– Саша, – ответил я удивленно.

– А папа ваш – Роберт?

– Да, папу звали Роберт...

– И вы жили на Чавчавадзе, в двадцать восьмом номере?

– Там жили бабушка и дедушка, я там часто бывал... А вы, простите?..

– Меня зовут Гия, я до сих пор живу в том доме. Я немного старше вас, у нас были разные компании, но я вас помню, вы все время играли во дворе в мушкетеров, вы и ваш друг, не знаю, как его звали...

– Грант! Мы до сих пор дружим. И по-прежнему играем в мушкетеров... Но как вы меня узнали?

– Знаете, вы почти не изменились...

– Как это? За сорок пять лет...

– То есть, конечно, изменились! Но ведь узнал же, да?

Надо было видеть лицо моей жены, которой я параллельно переводил этот разговор...

В Тбилиси нас встречали друзья, и я немедленно рассказал им о встрече в Киеве.

– Теперь ты видишь, – флегматично заметил Зура, – как ты всех за...мучил своими мушкетерами, если почти полвека спустя посторонние люди узнают тебя в киевском аэропорту?

...Хорошая литература – это какая? Мастерски выстроенная фабула, яркие, на всю жизнь запоминающиеся персонажи, блистательные диалоги, изыщная, ироничная манера повествования – все это в лучших книгах Дюма присутствует, но ведь не только же у Дюма.

Его сын, автор «Дамы с камелиями», как-то сказал: «У книг, которые читают, есть настоящее, у книг, которые перечитывают, есть будущее». Лучшие книги Дюма-отца – из тех, которые перечитывают. Каза-

лось бы, зачем – зная их почти наизусть? Мой отец перечитывал всю мушкетерскую трилогию примерно раз в десять лет и говорил, что каждый раз обнаруживает в этих книгах что-то такое, чего прежде не замечал.

«Мушкетеров» часто экранизировали. Кинематографистам книга казалась готовым сценарием: сюжет четкий, характеры эффектные, диалоги живые. Остается только подобрать подходящих актеров, построить декорацию, скоординировать «Мотор!» – и успех обеспечен. Все без исключения известные мне экранизации «Мушкетеров» берут за основу историю с алмазными подвесками, которые королева неосторожно подарила своему британскому воздыхателю. Об этом стало известно коварному кардиналу, и он подговорил короля устроить бал, где королева обязана появиться в этих самых подвесках, которые давно уже в Лондоне. А Лондон, как известно, на другом берегу Ла-Манша. Спасти королеву можно только одним способом: срочно вернуть подвески. До бала. Назначенного через 10 дней. А дело происходит в XVII веке, и путешествие из Парижа в Лондон и обратно занимает много времени. Кардинал, самый могущественный человек в стране, делает все, чтобы вернуть подвески вовремя, но не удалось. Однако отважный гвардеец д'Артаньян и его три друга-мушкетера преодолевают все преграды и спасают королеву от разоблачения.

Позвольте, а надо ли вообще спасать такую королеву, которая позволяет за собой ухаживать премьер-министру враждебного государства? И вдобавок дарит ему на память драгоценность, полученную в подарок от мужа-короля? Это же черт знает что такое!

Королеву, может, и не надо, а вот женщину, попавшую в беду, пусть и по собственной вине, – обязательно. К тому же сама королева в этой истории интересует д'Артаньяна вовсе не в первую очередь: он отправляется за подвесками ради ее служанки Констанции, в которую влюблен. А Атос, Портос и Арамис – ради д'Артаньяна. Не отпускать же друга одного в та-

кую опасную поездку!

...История с подвесками настолько нелепа, что придумать ее Дюма не мог. Он и не придумал, он ее вычитал в мемуарах герцога де Ларошфуко, автора знаменитых «Максим» и по совместительству – одного из главных интриганов той поры. Ларошфуко – единственный, кто рассказывает историю про подвески, ни один другой мемуарист о ней не упоминает. Но это вовсе не значит, что герцог ее выдумал: она слишком неправдоподобна и потому вполне может быть правдой. Однако в мемуарах Ларошфуко не сказано, кто привез королеву ее подвески.

Дюма решил, что в его романе спасителями королевы будут д'Артаньян и его друзья-мушкетеры, хотя реальный исторический д'Артаньян съездить за подвесками не мог никак: ему в ту пору было от силы лет четырнадцать (точно известно, что он родился не раньше 1611 и не позже 1616 года, а история с подвесками относится к 1625 году).

В авторском предисловии к «Трем мушкетерам» Дюма рассказывает, что, занимаясь изысканиями для истории Людовика XIV, наткнулся в Королевской библиотеке на книгу под названием «Мемуары г-на д'Артаньяна, капитан-лейтенанта Первой роты королевских мушкетеров, и так далее...», которая очень его заинтересовала. Он взял эту книгу – и не вернул (есть библиотечный формуляр). Д'Артаньян рассказывает, пишет Дюма в своем предисловии, что, приехав из родной Гаскони в Париж поступать в мушкетеры, встретил в приемной капитана де Тревиля трех молодых людей, служивших в заветной элитной роте, которых звали Атос, Портос и Арамис. Тут романист тоже ничего не выдумывает: это есть в «Мемуарах» д'Артаньяна. Зато уже со следующей фразы начинается собственно роман: Дюма повествует о том, как он не знал покоя, пытаясь доискаться настоящих имен, скрывавшихся за этими прозвищами, как перерыл уйму мемуарной литературы, как уже совсем было отчаялся, но вдруг, совершенно

случайно, обнаружил рукопись (он даже приводит ее номер – такой-то или такой-то, не помню, мол, точно!) под названием «Воспоминания графа де Ла Фер», и – о, счастье! – на такой-то странице оказалось подлинное имя Атоса, на такой-то – Портоса, и, наконец, на такой-то – Арамиса.

Знал ли Дюма с самого начала, что эти самые «Мемуары д'Артаньяна», были, как сказали бы сегодня, фейком, фальшивкой, а точнее – романом, сочиненным Гасьеном де Куртилем де Сандра в форме воспоминаний реально существовавшего исторического лица? В своем предисловии Дюма упоминает амстердамское издание Пьера Ружа 1704 года, где имя Куртиля де Сандра не значится, а «Мемуары д'Артаньяна» выдаются за подлинники. Может, и знал. Тем более, что «Мушкетеров» он писал в сотрудничестве с Огюстом Маке, который прежде был учителем истории в парижском лицее Карла Великого. Впоследствии Маке, поссорившись с Дюма, утверждал, что это он первым обнару-

Памятник Александру Дюма в Потти

жил «Мемуары д'Артаньяна», но формуляр Марсельской библиотеки это опровергает. То, что в предисловии к «Трем мушкетерам» о «Мемуарах д'Артаньяна» говорится как о подлинных, ровным счетом ничего не значит: так было нужно для романа. Там еще и вымышленные «Воспоминания графа де Ла Фер» присутствуют.

Куртилю де Сандра было легче: он родился в 1644 году, ровно за 200 лет до появления романа Дюма, служил в роте мушкетеров и мог знать д'Артаньяна лично, хотя вряд ли близко: тот был на 30 лет старше, и Куртиль в мушкетерах прослужил недолго. Кроме того, сменив шпагу на перо и опубликовав памфлеты, разгневавшие Людовика XIV, Куртиль был посажен в Бастилию, комендантом которой был Бемо, тоже в прошлом мушкетер и вдобавок друг д'Артаньяна, тоже в прошлом. Наверняка бывшим однополчанам, узнику и тюремщику, случалось коротать долгие бастильские вечера за бутылкой бургундского или анжуйского, и Куртиль мог узнать от Бемо немало подробностей из жизни своего будущего героя. При этом надо учесть, что к этому времени д'Артаньян уже погиб, а отношения его с Бемо давно и сильно испортились. Причиной была зависть: когда д'Артаньян, по приказу короля, арестовал суперинтенданта финансов Фуке, король поручил ему охранять заключенного в Бастилии, комендантом которой был Бемо. Но за Фуке отвечал д'Артаньян, и Бемо счел это ущемлением своих прерогатив. Более того, после того, как Фуке был приговорен к пожизненному заключению, король предложил д'Артаньяну должность коменданта Бастилии, то есть место Бемо. Предложение было весьма выгодным: непыльная, безопасная, прибыльная должность для уже далеко не юного человека, которому наверняка изрядно надоело мотаться верхом по дорогам и полям сражений чуть ли не всей Европы, рискуя получить удар шпагой, пулю или пушечное ядро. Король искренне благоволил к своему капитану мушкетеров и предложил ему место Бемо.

Каково?! Д'Артаньян, правда, отказался, но так, что своим отказом просто плюнул в душу другу Бемо: я, мол, предпочитаю быть последним солдатом Франции, нежели ее первым тюремщиком! Так прямо королю и заявил. И король это от него стерпел. И не какой-нибудь там королишка – сам Людовик XIV! А «первый тюремщик Франции» – это, между прочим, он, Бемо! (У Дюма этого эпизода нет, и у Куртиля тоже, это уже потом историки раскопали). В общем, Бемо было за что злиться на бывшего друга. Дюма же с Маке пришлось перелопатить немало исторической и мемуарной литературы, чтобы написать свой роман.

Интересно проследить не только за тем, как вымысел переплетается с реальностью, но как они взаимодействуют и влияют друг на друга. Гасьен де Куртиль де Сандра опубликовал в Кельне, а затем в Амстердаме подложные «Мемуары д'Артаньяна» через тридцать с лишним лет после смерти своего героя. Люди, помнившие д'Артаньяна, прочитав сочинение Куртиля, удивились и возмутились: д'Артаньян вовсе не был столь низкопробным авантюристом. Похоже, Бемо действительно не шадил своего бывшего друга, рассказывая о нем Куртилю, пока тот сидел у него в Бастилии. «Мемуары», однако, имели успех, были дважды переизданы, а затем благополучно забыты, вместе с автором и его героем. И если сегодня мы что-то знаем о каком-то борзописце Куртиле де Сандра, о каком-то тюремщике Бемо, да и о самом д'Артаньяне, живших за три с половиной века до нас, то лишь благодаря романам Дюма. О чем, кстати, свидетельствуют французские энциклопедические словари: и «Ларусс», и «Робер», указав годы жизни д'Артаньяна, вообще сочли нужным сообщить лишь, что этот мушкетер обрел известность («Ларусс») или бессмертие («Робер»), благодаря роману А. Дюма «Три мушкетера».

Ошеломительный успех романа извлек их из забвения: многим захотелось узнать, в какой степени роман соот-

ветствовал исторической действительности. Спрос рождает предложение: так стали появляться биографии подлинного д'Артаньяна. Так вспомнили и о Куртиле де Сандра («Помянут меня, помянут и тебя»!) Правда, читать его широкая публика все-таки уже не стала.

Историки, как правило, не любят авторов исторических романов, которые в своих произведениях неизбежно искажают историю. (Любовь академика Деко к Дюма – исключение). Историки любят злорадно разочаровывать публику: вот вам ваш любимый герой – на самом деле он был таким свинтусом! Верьте после этого своим романистам... Дюма обвиняли даже в том, что он историю прямо-таки насилует. «Еще как насилую, – соглашался Дюма. – И делаю ей прекрасных детей!» Скромность не входила в число его основных достоинств, но он был прав: дети получились замечательные. Ему же принадлежит отличная формулировка: «История – это гвоздь, на который я вешаю свою картину». Значительно позже историки начали признавать, что свои гвозди он вбивал основательно, и не его вина, если некоторые читатели путали роман с учебником истории. Любопытно вот что: в результате изучения документов и воспоминаний о реальном д'Артаньяне выяснилось, что исторический капитан-лейтенант мушкетеров был гораздо больше похож на героя эпопеи Дюма, нежели на фейкового «мемуариста» Куртиля де Сандра. Арест и охрана Николая Фуке, которые здесь уже упоминались, представляют собою весьма характерный пример. Король не случайно поручил это именно д'Артаньяну: Фуке был очень важной птицей, у него были огромные связи и огромные деньги. Нужен был человек, которого невозможно подкупить и у которого невозможно отбить заключенного силой. Но и не грубый солдафон, потому что дело было весьма деликатное. Д'Артаньян отвечал всем этим критериям. Более того: допустим, нашего арестовывает и охраняет человек, которого не подкупишь и от которого ничего не добьешься силой, что

Памятник Александру Дюма в Париже

делает положение нашего друга совершенно безнадежным. Вряд ли мы бы стали симпатизировать такому человеку. Тем более поразительно, что все друзья Фуке, в частности, великая, да простится мне такое слово, писмописица маркиза де Севинье, в своих письмах и воспоминаниях говорят о д'Артаньяне с огромным уважением и симпатией!

Вдохновенный успехом «Трех мушкетеров», Дюма немедленно засел за продолжение: куй железо, пока горячо. Собственно, он лишь выполнял обещание, данное в предисловии к «Трем мушкетерам», где утверждал, что публикует первую часть рукописи графа де Ла Фер и, если она будет иметь успех, опубликует и вторую. Правда, тотчас подмигнул читателю: «Поскольку восприимчивый читатель видит в нас, а не в графе де Ла Фер, источник своего удовольствия или скуки». Куда уж откровеннее!

Дюма и Маке взялись за дело. До сих пор идут споры о

том, насколько велико и важно было участие Огюста Маке в создании шедевров Дюма. То, что известно об их сотрудничестве, позволяет утверждать, что первую скрипку в дуэте играл все-таки Дюма.

Сотрудничество их началось с того, что Дюма, по просьбе их общего друга, поэта Жерара де Нерваль, переписал пьесу Маке, которую забраковал директор театра, куда Маке ее предложил. В обработке и за подписью Дюма пьеса, получившая новое название, была принята и поставлена, после чего Нерваль познакомил Дюма с Маке. Потом Маке принес Дюма набросок романа «Добрый Бюва», который Дюма превратил в «Шевалье д'Арманталья», заменив, надо думать, не только название. Бесспорно одно: Дюма стал известным автором до знакомства с Огюстом Маке, и это он «доводил до кондиции» неудачные опысы Маке, а не наоборот. И расставшись с Маке, не стал писать хуже. А вот Маке в результате многолетнего сотрудничества с Дюма стал пи-

Дюма за работой (гравюра 1890-х годов)

сать лучше и после разрыва опубликовал несколько неплохих романов и пьес, но знаменитым писателем так и не стал. Однако верно и то, что лучшие свои романы Дюма создал в соавторстве с Маке. Он, кстати, и не думал этого скрывать, но издатели считали, что роман, подписанный Дюма и Маке, будет продаваться гораздо хуже, чем роман, подписанный одним Дюма. И, вероятно, у них были для этого основания. Когда же соавторы поссорились и Маке подал на Дюма в суд, утверждая, что именно он является истинным автором самых знаменитых романов Дюма, суд, разобравшись, принял решение в пользу Дюма, и никого из современников это не удивило. Дюма не мог подкупить судей или оказать на них давление. В ходе процесса Маке представил, в частности, свой вариант главы о казни Миледи и, по свидетельству Андре Моруа, только доказал обратное: все лучшее в опубликованном варианте у него отсутствовало, а стало быть, исходило от Дюма.

В «Мемуарах д'Артаньяна» Атос, Портос и Арамис – не друзья, а братья. Что, кстати,

скорее соответствовало исторической реальности: в роте мушкетеров служили преимущественно гасконцы, земляки капитана де Тревиля, и многие из них состояли между собой в родстве. Вполне возможно, что реальные Арман де Силлег д'Атос д'Отвиль, Исаак де Порто и Анри д'Арамис были кузенами, а кузеном во Франции именуется практически любого непрямого родственника. Дюма в своем романе оставил гасконцем одного лишь д'Артаньяна, отмел кровное родство и сделал Атоса, Портоса и Арамиса только друзьями, и эта дружба стала одной из самых привлекательных его находок. Не зря же говорят, что друзья – это семья, которую мы себе выбираем.

Кто из нас не хотел бы иметь таких друзей на всю жизнь?

Почему роман называется «Три мушкетера», когда на самом деле героев четверо? Этот вопрос автору задавали с самого начала. Он отвечал довольно невнятно, что вовсе не было ему свойственно: мол, он хотел назвать роман «Четыре мушкетера», но произошла какая-то ошибка, то ли описка самого Дюма (или Маке?), то ли редактор газеты «Ле Съекль» что-то не так понял и опубликовал роман под таким названием, менять которое потом было уже не с руки.

Вероятно, ему было неловко сказать: «Господа, а вы роман-то прочли? Если да, то что за странный вопрос?»

Конечно же три, и только три! Потому что книга – о д'Артаньяне. Это он на наших глазах становится мужчиной. Человеком. Личностью. В конце романа новоиспеченный лейтенант мушкетеров – уже не тот юнец, что прибыл из своей гасконской деревни в Париж на нелепой желтой кляче. И главное событие, столь многое определившее в его судьбе, – встреча с Атосом, Портосом и Арамисом. Как же еще можно было назвать эту книгу?

Трудно поверить, что «Двадцать лет спустя» были опубликованы всего через полгода после «Трех мушкетеров»: прошедшие двадцать лет там поразительно ощутимы. Изменился Париж, изменились персонажи.

Они, бесспорно, те же самые, но... на 20 лет старше. Продолжение шедевра редко бывает достойно первого произведения, но «Двадцать лет спустя» мощнее «Трех мушкетеров». Эта книга глубже и трагичнее, не только потому, что в ней поездка в Англию для спасения Карла I оканчивается неудачей, но и потому, что в великолепной четверке происходит раскол: д'Артаньян с Портосом оказываются в одном политическом лагере, Атос с Арамисом – в другом. И как же хороша глава «Королевская площадь», где они выясняют отношения! И как важно перечитать ее сегодня, когда политические пристрастия ломают старые дружбы и даже семьи...

Мы уже говорили о том, что кинематографисты выстраивали свои экранизации «Трех мушкетеров» вокруг истории с подвесками королевы. Мое открытие этой книги состоялось тогда, когда, перечитав ее через несколько лет после первого знакомства (в семилетнем возрасте) и посмотрев к тому времени пару экранизаций, я с изумлением обнаружил, что вся история алмазных подвесок Анны Австрийской занимает в романе всего четыре главы. Четыре. Из шестидесяти!

Но о чем же тогда остальные 56 глав? В 7 лет, да и в 10, и в 15 этого было не понять. Да обо всем! О жизни. О приключениях. О возмужании. О попытках устроить свою жизнь и сделать карьеру. О том, как охмуряют богатую прокуроршу. О том, как заливают бочками вина память о разбитой любви и собственном преступлении. О религиозных войнах католиков с гугенотами и о том, какое отношение имеет Новый Свет к бутылкам, стоящим на столе и на комодке. О том, что Париж, черт побери, не вымощен батистовыми платочками! О том, что некоторое сожаление приличествует приносящему жертву Господу. О том, как едят конину вместе с седлом. О том, как делают выбор между дружбой и службой. О том, как пробитая пулями салфетка превращается в знамя, когда бастион обороняют четверо. О том, что «их восемь, нас двое, расклад перед боем

не наш, но мы будем играть!» и «я этот небесный квадрат не покину, мне цифры сейчас не важны: сегодня мой друг защищает мне спину, а значит, и шансы равны!» (Самая что ни на есть мушкетерская песня!) О супе, представляющем собой подобие бледного бульона, которого, правда, много, но где нет ни капли жира и только плавающих несколько гренков, редких, как острова архипелага. И даже о том, что бедная курица была худа и покрыта той толстой и щетинистой кожей, которую, несмотря на все усилия, не могут пробить никакие кости; ее, должно быть, долго искали, прежде чем наконец найти на нессе, куда она удалась, чтобы спокойно умереть от старости. И еще о том, как теряют любимую женщину, потому что ее убили, и как расстаются с друзьями, потому что они уезжают... Как же упоительно, остроумно, очаровательно обо всем этом рассказано! И как жалко тех, кто знаком с мушкетерами только по кино- или телеэкрану: они, по сути, с ними и не знакомы, у них в ушах «шпаги звон», в глазах – блеск подвесков, и только. Зато как чудесно беседовать с теми, кто читал, а главное – прочитал эту книгу, и она оказалась – его. Или ее.

Мы ведем разговор в основном о «Мушкетерах», хотя можно столь же захлеб говорить и о «Графе Монте-Кристо», и о «Королеве Марго» – вероятно, самом совершенном из романов Дюма (не зря же Хемингуэй включил его в число десяти книг, которые взял бы с собой на необитаемый остров). Впрочем, речь идет даже не столько о самих «Мушкетерах», сколько об очень личном прочтении этой книги. О попытке объяснить самому себе неслабеющую любовь к ней и к ее автору с детства и на всю жизнь. Как будто можно объяснить любовь. Конечно, жизнь еще не кончена и может преподнести сюрпризы, но когда тебе за 60, а ты все еще любишь то, что полюбил в детстве, позволительно говорить о некотором постоянстве.

...В одном интервью, когда Ален Деко в очередной раз заявил, что любовь к истории и умение интересно рассказы-

вать о ней у него от Александра Дюма, удивленный журналист сказал: «Как странно, ведь это детский писатель!» Деко улыбнулся: «Он совсем не детский. Просто его интересно читать даже детям».

Действительно, «несерьезная» репутация Дюма в значительной степени объяснялась тем, что многие открыли его для себя именно в детстве и с тех пор не перечитывали. Хотя поняли тогда далеко не все. Не каждый вундеркинд мог знать в 7 лет, что такое «Роман о Розе» и кто такие гугеноты, упомянутые в первой же фразе романа, а также что имел в виду автор, говоря, будто Атос представлялся д'Артаньяну Ахиллом, Портос – Аяксом, а Арамис – Иосифом: мало кто в столь нежном возрасте знаком с «Илиадой» и Ветхим Заветом. И только очень испорченные дети могли оценить главу «Ночью все кошки серы». Ален Деко прав: много ли есть великих писателей, чьи книги способны заинтересовать детей? А дети, даже не понимая каких-то частностей, чувствуют главное: потрясающее обаяние книги и ее автора.

Есть еще одно обстоятельство, о котором надо сказать. Когда любят книгу, эту любовь легко переносят и на ее автора, это естественно, ведь именно он создал такое чудесное произведение и доставил тебе столько радости. И бывает очень обидно, когда узнаешь, что личность автора и его творчество довольно часто, по одесскому выражению, составляют «две большие разницы». К Дюма это не относится: он был таким же добрым, щедрым, великодушным и храбрым, как и его герои. Французский историк Симона Бертье в своей книге «История одного шедевра» показывает, что Дюма писал д'Артаньяна с самого себя и потому оказался не в состоянии изобразить его смерть. Последние страницы эпопеи написаны явно другой, менее талантливой рукой (Маке?), потому что в следующем номере продолжение уже не планировалось, и роман требовалось срочно закончить.

Послушаем Роберта Луиса Стивенсона, автора «Острова сокровищ», «Похищенного», а также «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда», признанного стилиста, который в статье «Книги, оказавшие на меня влияние», сначала говорит о Шекспире – это для него абсолют. А дальше идет вот что: «Пожалуй, после Шекспира самый дорогой, самый лучший мой друг – д'Артаньян, немолодой уже д'Артаньян из «Виконта де Бражелона». Мне неведома другая душа столь человеческая и в своем роде столь превосходная, и я от всего сердца пожелаю всякого, в ком нравственный педантизм так силен, что он не смог ничего воспринять от капитана мушкетеров».

...В 2016 году в военном музее парижского Дома Инвалидов проходила выставка «Мушкетеры». Там было представлено оружие, много гравюр и портретов, единственная мушкетерская форма, уцелевшая на каком-то складе, и даже несколько моделей железных масок, в память о заключительной части трилогии Дюма. Я довольно рассеянно бродил по залу, потому что видел почти все это и раньше, только в разных местах. И вдруг застыл перед витриной, где была выставлена всего-навсего пожелтевшая газетная страница. Это был «Ле Съекль» за 14 марта 1844 года, «подвал» которого был озаглавлен: «Александр Дюма. Три мушкетера». И дальше шло «Предисловие автора, в котором устанавливается, что в героях истории, которую мы будем иметь честь поведать нашим читателям, нет ничего мифологического, хотя имена их и оканчиваются на -ос и на -ис»...

...В ноябре 2002 года с останками Дюма был извлечен из могилы на кладбище Виллер-Котре и выставлен в замке Монте-Кристо, в гостиной на первом этаже, где в течение двух дней все желающие могли проститься с любимым автором. Гроб был покрыт синим бархатом с вышитой серебром надписью «Один за всех, все за одного». За ним на возвышении был установлен большой фотопортрет Дюма работы Надара. Вокруг шли люди разного возраста. Было полное ощущение, что прощаются с очень близким и любимым человеком, скон-

Александр Браиловский – тбилисец, парижанин, переводчик, гид и... мушкетер

чавшимся вчера.

Мог ли я когда-нибудь предположить, что буду участвовать в прощании с любимым писателем, умершим за 90 лет до моего рождения? Или что буду жить во Франции, которую вымечтал себе из-за него и его книг, и бывать по работе в тех самых городах, дворцах, замках и церквах, где герои этих книг жили и действовали?

Когда же все началось – в день моего появления на свет в Тбилиси в декабре 1959 года, или гораздо раньше – 14 марта 1844-го в Париже? Или 24 июля 1802-го в Виллер-Котре, когда у революционного генерала-мулата и дочери пикардийского трактирщика родился мальчик, которого тоже назвали Александром? Томас Манн начинает роман «Иосиф и его братья» с рассуждений о том, как трудно установить настоящую точку отсчета какой-либо истории, потому что эта точка, как горизонт, все время отодвигается, но, в отличие от горизонта, не вперед, а назад.

...Из замка Монте-Кристо гроб был перевезен в Париж, в Люксембургский дворец, где, согласно протоколу, сенаторы должны были обосновать правомерность перемещения Александра Дюма в национальную усыпальницу.

Наконец, финишной прямой стала улица Суффло, ведущая от Люксембургского сада к Пантеону. Кто бы ни был сценаристом церемонии и ее постановщиком, характер происходящего безусловно определялся личностью самого «пантеонизируемого»: меньше всего это было похоже на похороны.

Весь тот день мне пришлось провести в поездке по замкам долины Луары, я не смог ее отменить и вернулся в Париж поздно вечером, когда все уже было кончено, поэтому смотрел в записи. Это было грандиозно. В течение двух часов на улице Суффло, среди плотной толпы зрителей (все желающие могли свободно присутствовать) актеры разыгрывали сцены из пьес Дюма. Потом из Люксембургского дворца доставили гроб и установили на подмостках перед входом в Пантеон. Приехал президент Ширак и произнес речь. Это была речь политика, который не мог упустить такую возможность – уместно упомянув о том, что бабушка писателя была чернокожей рабыней, да и отец-мулат родился рабом, и только Революция позволила ему стать генералом французской армии, Жак Ширак намекнул на то, что и с таким происхождением можно умом, талантом, а главное, трудом многого добиться во французской жизни и в конце концов даже оказаться в Пантеоне.

Наконец, слово взял Ален Деко.

– Ну вот, Александр, наконец-то ты здесь! – с добродушным удовлетворением обратился он к гробу Дюма, а затем, эффектно обернувшись к толпе зрителей, пояснил: – Не удивляйтесь, пожалуйста, что я с ним на «ты»! Возможно ли быть на «вы» с лучшим другом детства?

Он говорил что-то еще, и все, что он говорил, было справедливо, красиво и умно. Но ничего вернее, ничего важнее этих слов быть уже не могло.

Потом четыре гвардейца в голубых мушкетерских плащах с нашитыми на них серебряными крестами подняли гроб и торжественно внесли его в Пантеон. Да, это было поистине великолепно.

И еще вспомнилось вот что.

Последний роман Роже Нимье, опубликованный в 1962 году, уже после гибели автора, называется «Влюбленный д'Артаньян, или 15 лет спустя». Там автор вообразил героя безответно влюбленным в маркизу де Севинье – ту самую, что так доброжелательно отзывалась о нем в своих письмах. Но речь идет не об историческом д'Артаньяне, а именно о герое «Трех мушкетеров» – там действуют и другие персонажи, придуманные Дюма, например, Планше. Роже Нимье, кстати, был автором одного из интереснейших предисловий к «Трем мушкетерам».

В 1993 году Жан-Пьер Дюфрель опубликовал роман «Последняя любовь Арамиса», героем которого не исторический Анри д'Арамис, а Рене д'Эрбле – постаревший и ослепший, дело происходит в конце жизни единственного из четверки, оставшегося в живых у Дюма.

В 1994-м на экраны вышел фильм Бертрана Тавернье «Дочь д'Артаньяна». Дочери в трилогии Дюма не было, но д'Артаньян – из романа, там есть и другие герои Дюма.

Эти три произведения объединяет лишь то, что авторы сочиняли свои истории, заимствуя персонажей у Александра Дюма.

И я подумал, что все эти замечательные люди, которые ставят спектакли и снимают фильмы по его романам, занимаются историческими изысканиями, посвященными его персонажам и пытаются понять, в чем секрет их литературного долголетия, сочиняют о них новые романы и переносят останки автора в Пантеон, движимы, в сущности, тем же самым желанием, что и мальчики, сражающиеся во дворе деревянными шпагами: чтобы эта книга никогда, никогда не закончилась.

И, устроившись на диване, я раскрыл «Двадцать лет спустя» на одной из любимейших глав – «Д'Артаньян в сорок лет». Достигнув примерно того же возраста, я читал ее совершенно другими глазами.

Это было ровно двадцать лет назад.

Пещерный монастырский комплекс Вардзия

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

Давид Строитель

Жизнеописание выдающихся царей во многом схожи: все они объединяли разрозненные земли и боролись с феодалами; все проявляли волю и твердость в собирании земель, а порой и жестокость. Похоже, что в этом Давид IV не отличался от прочих. Где уговорами, где лестью, а где и силой он приструнил непокорных и сумел объединить для борьбы с тюрками. Войско у него было небольшое, а поэтому от него требовались подвижность и боевитость. Главным приемом на долгие годы стали стремительность маневра и неожиданность удара.

Вот как описывает летописец один из его походов.

Дабы усыпить бдительность врага, государь отошел далеко на запад, в Пицунду. Зима выдалась снежная. В разгар зимы,

когда тюрки меньше всего ожидали опасности, он совершил стремительный переход через всю Западную Грузию, преодолел заснеженный Лихский хребет и нежданно-негаданно обрушился на врага. Летописец пишет, что снег на перевале лежал высотой в «три локтя, и царь повелел перекопать гору Лихскую».

Стычек и схваток в разных уголках страны было множество, все они кончались победой грузин. Порой создавалось впечатление, что царь одновременно оказывался и в Тао, и в Кахетии, и в Картли. Его войско крепло и обретало веру в себя. Оно готовилось к большому сражению. И такое состоялось. В 1104 году, близ Эрцухи, в Восточной Грузии.

Летописец, поведавший о битве, судя по всему, участвовал в ней как воин. По его словам, войско тюрков-сельджуков в несколько раз превосходило численностью грузин. И

опять Давида выручила решительность и стремительность маневра.

Он первым атаковал врага и внес смятение в его ряды. «Аки лев» носился царь по полю брани, могучим криком взбадривая свое воинство. За время сражения под ним убили трех коней, он же, не зная роздыха, рубился в самой гуще сечи. Целый день не стихала битва. Наголову разбитые тюрки бежали, преследуемые грузинами. А когда в походном шатре слуги сняли с царя доспехи, из его правого рукава хлынула кровь. Как пишет летописец-очевидец происходящего «поначалу мы решили, что государь ранен и истекает кровью. Но это оказалась кровь врагов по желобу меча стекавшая в рукав и за пазуху».

Что и говорить – такая картина много говорит о силе и воинской доблести царя! Но поле брани так и не стало излюбленным полем его деятельности. Только по необходимости он

Фреска Давида IV в монастыре Шиомгвиме

брал в руки меч – чтобы очистить отчизну от врагов и превратить ее в строительную площадку.

Уже через год после победы в Эрцухи царь начинает возведение Гелатского монастыря – неподалеку от Кутаиси. При монастыре строится общедоступная больница – ксенон. Царь снабдил ее всем необходимым и сам часто посещал, вникая в нужды простых людей, воинов и крестьян.

Там же, в Гелати, создается первая грузинская Академия. Ее ректор читался при Давиде выше главы церкви и вельмож Царского двора: во время церемоний царь встречал его на краю парадного ковра, тогда как навстречу другим не проходил и трети. На почетную должность ректора Гелатской Академии царь пригласил знаменитого грузинского философа Иоанна Петрици, жившего в Византии. Образованнейший человек своего времени, Иоанн Петрици прекрасно знал древнегреческую философию и богословие. В числе трудов, которые он изучал с особым тщанием, были книги его великого земляка Петра Ивера, известного под именем Дионисия Ареопагита.

Вслед за Гелатской Академией царь основывает вторую Академию – на этот раз в Восточной Грузии, в Икалто. Ее возглавил философ, богослов и писатель Арсен Икалтоэли. В

обеих академиях переводили на грузинский, толковали и комментировали труды древнегреческих философов и мудрецов, в том числе Аристотеля и Платона, а также редактировали переводы церковных книг, переписывали летописные своды, изучали медицину и астрономию. Работа кипела. Но и этого Давиду было мало. Он самолучно отобрал сорок одаренных юношей и послал для обучения в Византию. Как свидетельствуют армянские историки, трое из них прославили свою отчизну. Тогда же сложились и окрепли грузинские культурные центры на Афоне, в Иерусалиме и в Сирии на Черной горе.

Историограф Арсений, оставивший нам жизнеописание Давида Строителя, отмечает особую любовь царя к книгам. Кроме большого книгохранилища во дворце и в Гелатском монастыре, у него была отборная библиотека, с которой он никогда не расставался. Во всех походах ее возили за царем на верблюде. Обычно царь читал сам, когда же глаза его утомлялись, ему читали вслух. Свободное владение греческим, персидским расширяли круг чтения. Царь так увлекался книгами, что слуги не смели его потревожить.

В жизнеописании рассказан характерный эпизод из походной жизни царя. Он произошел в пору, когда Давид IV готовил-

ся к освобождению своей столицы – Тбилиси. Судя по всему, боевая операция, затеянная на этот раз царской дружиной, была незначительной. Царь, уверенный в успехе, остался в походном шатре и читал древний манускрипт. Он настолько увлекся чтением, что не заметил, как звук жаркой сечи вплотную приблизился к шатру! Враг теснил его дружину. Бой разгорелся вокруг шатра, и только отчаянный крик умирающего воина и звон мечей вырвали царя из забытья. Не облачившись в доспехи, с непокрытой головой, он ринулся в гущу схватки и рубился с такой неистовой силой, что, как пишет Арсений, «после сечи его покореженный меч не приняли ножны...»

Не было области, в которой не сказался бы созидательный гений царя Давида. В 1103 году он провел церковную реформу; не считаясь с происхождением, сместил родовитых церковных иерархов и поставил на их место людей достойных и просвещенных. Принял законоуложения, укрепляющие царскую власть.

И, наконец, для усиления военной мощи Давид IV решил на исключительную меру – переселил с Северного Кавказа в Грузию 45000 половецких семей.

Что вынудило царя к такому шагу и почему его выбор пал на половцев?

Предстояли решающие схватки с тюрками, а для этого нужна была большая и сильная армия.

Военная мощь царя зависела от преданности вассалов. Случаи их нерешительности и даже измены были не так уж редки. Чем могущественней царь, тем преданней вассалы. Царь хотел иметь постоянное войско, в любую минуту готовое к бою, а не собирать каждый раз с бору по сосенке. Давид IV был женат на дочери половецкого хана: таким образом необычное переселение приобретало характер родственного, в какой-то мере семейного решения. К тому же царь высоко ценил воинскую отвагу половцев. И, наконец, он полагал, что кочевники быстро и безболезненно растворятся в более культурной грузинской среде.

Расчеты Давида сполна оправдались: через два года он имел сильную и преданную кавалерию в 40000 сабель и особый отборный корпус в 5000 человек – личную гвардию.

Не только политическая деятельность царя, но и его частная жизнь без остатка отдавалась государству. Зять кипчакского хана, он выдал своих дочерей за ширванского шаха и византийского императора, породнившись таким образом с ближайшими соседями и обезопасив тылы.

Укрепив государство и войско, Давид IV приступил к решению главной задачи – изгнанию тюрков-сельджуков

Султан почувствовал опасность. Донесения военачальников из Грузии вызвали у него досаду, раздражение, наконец, ярость. Его занимали войны с крестоносцами и Византией. Теперь пришлось перенести внимание на Кавказ. Там происходило что-то непонятное: маленькая страна, растоптанная копытами его коней, поднялась, распрячилась и теснила исламское воинство. Их надо прогнать – раз и навсегда! Повернувшись в прах! Внушить ужас к повелителю полумира! В гневе султан собрал под свои знамена войска всех мусульманских владетелей и эмиров Передней Азии и двинулся на север. По некоторым источникам в его войске насчитывалось до 600000 человек.

Но царю Давиду не впервой приходилось сражаться в мень-

Праздник Дидгороба

шинстве. Собственно, он только так сражался и по опыту знал, что многочисленность войска не всегда приносит победу, а порой оборачивается во вред.

Стремительным маршем направился он навстречу султану к Триалети, чтобы встретить врага в горно-лесистой местности, где тюркам труднее будет использовать численное превосходство.

Битва произошла 15 августа 1121 года в Дидгорских горах, недалеко от Манглиси. От грузинского войска отделились 200 всадников и направились к неприятельским позициям. Они двигались не боевым строем, а разрозненными группами, порки приняли их за перебежчиков и пропустили в лагерь. Но тут смельчаки обнажили сабли. Закипела сеча. Воспользовавшись замешательством врага, Давид с быстротой молнии ударил по его флангам. Огромная армия была опрокинута и в панике бежала, бросая раненых и обозы. Грузины захватил богатые трофеи. Победа была полная.

По свидетельству летописца, в Дидгорской битве рядом с грузинами сражались рыцари-крестоносцы, присланные королем Иерусалимским Болдуином II. Крестоносцев было немного, но они внесли свою лепту в победу. Так же, как и воины-грузины не раз помогали им в освобождении гроба Господня.

После победы в Дидгорской битве царь освобождает Тбилиси. А еще через год – древнюю столицу Армении город Ани. В

Ани он торжественно освятил храм, превращенный тюрками в мечеть, и, склонившись над гробницей царицы, строительницы храма, воскликнул:

– Радуйся, святая царица, ибо очистил Господь храм твой от нечестивых!

И, как пишет летописец, тихий голос усопшей прозвучал под сводами.

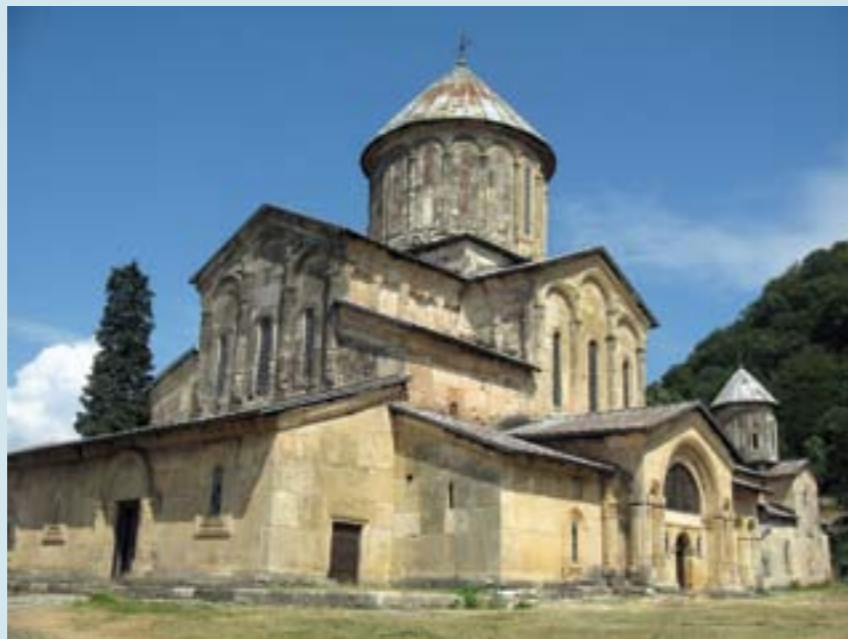
Давид IV изгнал завоевателей. Но он никогда не притеснял мусульман, живущих в Грузии. Напротив, арабский историк отмечает, что тбилиским мусульманам царь даже дал некоторые преимущества – уменьшил с них поборы. Прекрасный знаток Корана, он обсуждал с Ганджинским кадием отдельные суры и, высоко ценя науку и искусство восточных соседей, щедро поддерживал мусульманских ученых, философов и поэтов.

Историограф Арсений, восхищенный своим государем, восклицает:

– Кто может исчерпать словами бездну дел государственных, в которых не было равного Давиду ни среди царей древних, ни среди царей новых!

Разве он не прав? Если вспомнить, что одновременно с бесчисленными войнами и сражениями царь возводил храмы, монастыри и академии, рыл каналы, прокладывал и мостил дороги, строил мосты, гостиные дворы, больницы и новые города: так он заново отстроил и заселил ремесленниками и торговцами город Гори. И ни-

Храм Гелати

Кетеван Магалашвили. «Царица Тамар»

когда, даже в пору наивысшего расцвета Грузии и ослабления ее соседей, военная мощь царя Давида не была направлена за пределы грузинского царства, исконно грузинских земель. Не случайно народ назвал его Строителем. Не Освободителем, не Завоевателем, даже не Великим, хотя полководческий дар его поистине велик, а воинская удача ни разу не отворачивалась от него, а Строителем. И в памяти народной остался богатырем-зихидителем, несущим в гору огромные камни для возведения Гелатского храма – так поется в сказаниях.

Поистине, удивительная личность! Чужая приближение смерти, он отходит от государственных дел и пишет «Покаянные песнопения», в которых бросает последний взгляд на прожитую жизнь – взгляд мудреца и святого, и кается в том, что в воинском рвении ему случалось выйти за пределы своего царства и осквернить войной чужую родину.

И завещает он похоронить себя, как великого грешника, у входа в Гелатский монастырь под сводами ворот, чтобы каждый соотечественник наступал ногой на его грудь.

Девять столетий темнеет под вратами Гелатского монастыря огромный камень без надписи и рельефов – надгробие любимого царя-строителя, святыня народа.

Царица Тамара

Царица Тамара приходилась Давиду Строителю правнучкой. Она вступила на престол в 1184 году, через пятьдесят девять лет после великого предка. Это не такой уж большой срок. Среди окружения царицы были люди, помнившие ее прадеда. Страна двигалась в направлении, заданном Давидом IV. Процветали ремесла, торговля, искусство и литература. Были построены великолепные храмы в Питарети, Бетании, Икорте... Их окна и купола украшала замечательная резьба по камню, знаменитое грузинское плетение. В это время завершается строительство монастыря Вардзия. Хотя в связи с Вардзией слово «строительство» не совсем уместно: все кельи, часовни и церкви этого монастыря, все хранилища, склады, переходы и лестницы – высечены в скале. Высечены, любовно отделаны и расписаны с замечательным мастерством. На стене главной церкви на большой фреске изображена царица Тамара. Из ее жизнеописания известно, что Вардзия была для нее тем же, чем для Давида Строителя Гелати – любимым местом отдохновения и молитвы.

Ученые, изучающие средневековое искусство, восхищаются грузинской эмалью и чеканкой эпохи царицы Тамар и замечают, что «большого совершенства работы нельзя встретить и в самой Византии». Особенно прославились в золотокузнецком деле братья Бека и Бешкен Опизари. В музее я видел оклад Цкароставского «Евангелия» и другие их работы. Как говорит в таких случаях Чипе – полный отпад!..

Поделюсь одним своим соображением.

О какой древней постройке ни спроси грузина – будь то храм или развалины крепости, в ответу слышишь: «Это времен царицы Тамары». С крепостями все ясно: они столько раз разрушались и восстанавливались, что в них наверняка попадают камни, помнящие Вахтанга Горгасала и даже Помпея, так же, как булыжники времен Ираклия.

Что до храмов, то для начала перечислю наиболее выдающи-

еся: Джвари, Бана, Храм Баграта, Црומи, Ошки, Светицховели, Мартвили – поистине, что ни слово, то золото! Немецкий ученый, путешествовавший по Передней Азии в середине прошлого века, так писал о храме Бана:

«Это без сомнения самое красивое и самое великолепное из всего того, что я видел в этом роде на всем Востоке, исключая Константинополь!»

Мало кто из нас видел храм Бана – нынче он в пределах Турции. Но не думаю, чтобы названные рядом с ним уступали ему в красоте и величии. Между тем, все они построены до Тамары, с VI по XI вв. В народе же, так сказать, в просторечии наверняка относятся ко «временам царицы Тамары». Это выражение мне вообще кажется заменителем другого, общепринятого – «лучшие времена». Имя любимой царицы в народной памяти окружено сиянием, столь ярким, что разглядеть в нем человека, царицу Тамару почти невозможно. Давид Строитель весь перед нами – с первых шагов деятельности до «Покаянных песнопений». Мы слышим его львиный рык на поле боя в Эрцухи, видим покоренный меч, не влезающий в ножны, наступаем на могильную плиту...

А царица Тамара неуловима, неосязема – одно сияние и вздох восхищения. Даже ее могила неизвестна. Боготворивший Тамару народ не знает, где поклониться богине; вместо царственной женщины – сияние имени, серебристое облако...

По преданию – царица завещала похоронить ее тайно, скрыв могилу от друзей и недругов. В девяти направлениях отправились девять похоронных колесниц и в девяти местах огромного царства, охватывающего к тому времени весь Кавказ, простершегося до истоков Тигра и Ефрата, похоронили девять самшитовых гробов. А молодые братья-дворяне, знавшие тайну, пронзили друг друга мечами, дабы не выдать ее.

Я согласен, что знание – сила. Но еще большая сила – тайна. Не будь ее, может, хоть слегка померк бы сияющий ореол, и мы разглядели бы в сере-

бряном облаке живую, во плоти – царицу Тамару.

Со времен придворного поэта Чахрухадзе все восхищаются ее несказанной красотой. Это восхищение докатилось до нас: в учебнике истории среди множества черно-белых репродукций и фотографий один лишь портрет царицы Тамары сияет яркими красками. В нем есть все, что прославило красоту грузинских женщин и подсказало знаменитому французскому писателю сравнение: «Она стояла перед ним прекрасная, как молодая грузинка» (строка из рассказа О. Бальзака «Неведомый шедевр»). Но похож ли он? На старинных фресках у царицы слегка одутловатое лицо и припухшие веки...

Пойми меня правильно, Саша, я не сомневаюсь в ее красоте. Боже упаси! Просто такое сияние слепит глаза.

Говорят: у нас был культ женщин. Почитай, дескать, Руставели... Тут, может быть, и разгадка. Ключ к тайне.

Шота Руставели

Руставели – вот чьим именем следовало бы назвать наш золотой век. Это он вобрал все достижения Грузии и сопредельных стран – от Византии и Греции до Персии и Индии. Он сделал эпоху царицы Тамары средоточием лучших устремлений, вершиной духовной жизни Грузии, ее «золотым веком». Много веков возводился храм грузинской культуры: Руставели увенчал его великолепным куполом.

«Витязь в тигровой шкуре» написан на исходе XII столетия – времени передышки. До него нам приходилось трудно, а после – еще труднее: нашествия, войны, кровь и дым пожарищ... Плен, унижения, казни... А тут передышка, отвоеванная Давидом Строителем. Грузинскому народу представилась возможность выявить свою сокровенную суть и свое предназначение. Он откликается с поразительной готовностью и силой создает великую поэму, гимн рыцарству, любви и благородству, гимн, исполненный веры в человека, в его разум.

Вот чему учат ее чеканные строки:

Зло мгновенно в этом мире
Доброта же неизменна.

Лучше смерть, но смерть
со славой,
Чем бесславных дней позор.

Что ты спрятал, то пропало,
Что ты отдал – то твое.

Разве муж достоин чести,
Коль он бед не поборол?

Кто себе друзей не ищет,
Самому себе тот враг.

Поистине под пером Руставели «стихотворство – род познания, возвышающего дух».

Не стану пересказывать захватывающий сюжет «Витязя» – одного из первых рыцарских романов в литературе. Его герои любят возвышенно и преданно, страдают в разлуке, по первому зову спешат на помощь другу, сражаются со злом и совершают подвиги ради любимых. По характеру взаимоотношений, по взгляду поэта на человека «Витязь в тигровой шкуре» – предтеча Возрождения. И истоки его те же – античная философия и народная поэзия. В дымных и кровавых сумерках нашей истории поэма Руставели – как незакатное солнце. Не случайно она всегда была лучшим приданным для грузинских невест и хранилась рядом со Святым писанием.

Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!

Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то,
Мне пером была тростинка, тушью – озеро агата.

Кто внимал моим твореньям,
был сражен клинком булата.

(Строфа из вступления в поэму в пер. Н. Заболоцкого)

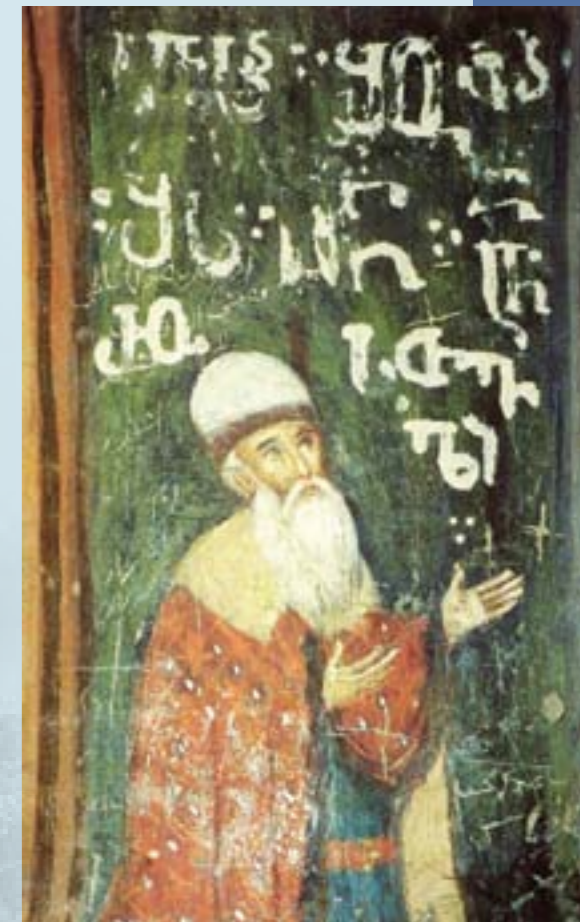
Какой яркий свет! Солнцеликая – любимое уподобление поэта. Его слово оказалось могущественней и долговечней царских деяний. Влюбленный Руставели сделал царице поистине царский подарок: по его милости все лучшее в нашем прошлом мы называем именем Тамары. И ничего тут не поделаешь...

О самом поэте мы знаем очень мало. Всего несколько

строк в поэме, где он скромно называет себя «мех безвестный из Рвстави». В Грузии несколько населенных пунктов с таким названием, дословно означающим – «исток канала», в том числе, в Месхетии – области, ныне граничащей с Турцией. По традиции там и отмечаются все торжества, связанные с Шотой Руставели.

Предания донесли едва различимые отголоски его жизни: в молодости Руставели – воин и поэт, близкий к царскому двору, был безнадежно влюблен в юную царицу. На склоне лет, уставший от жизни и разочарованный, он уединился в Иерусалиме, где принял постриг в Грузинском монастыре и жил до скончания дней. Там он и похоронен. (Есть сведения, что по поручению царицы, он выкупил монастырь у султана Саладина, захватившего в ту пору Иерусалим).

Изображение седобородого старца на одной из колон Обители Святого Креста в Иерусалиме – прижизненное изображение

Фреска Шота Руставели на стене Крестового монастыря в Иерусалиме

М. Зичи. «Шота Руставели преподносит свою поэму царице Тамаре»

Шота Руставели, единственный, кроме поэмы, след его земного существования.

Царица Тамара (продолжение)

О царице Тамаре сведений побольше.

Еще до ее вступления на престол Грузия пережила внутреннюю смуту. У Тамары был двоюродный брат, царевич Демна – подлинный рыцарь и один из просвещенных людей своего времени. Вот как отзывается о нем современник: «... созрел сын брата его старшего по имени Деметре, ясноликий, искусный в ратном деле, постигший науки, как пристало мужам его рода. Но грех, что сводит на нет всяческую добродетель и ученость, совершенство облика и доблесть ратную омрачил ему жизнь и сгубил его. Грех сей – отсутствие страха Божия и попрание веры Христовой – врожденный порок и несчастье его царствующего рода».

В 1178 году царевич Деметре (Демна) попытался завладеть тронном. С этой целью он вступил в заговор с крупными феодалами Орбели, Торели и Мхаргрдзели. Но заговорщики потерпели поражение – в решающую минуту союзники покинули царевича. Сам Демна ночью

с помощью веревки спустился из осажденного замка, явился в шатер к царю Георгию III – своему дяде и отцу Тамары, и сдался на милость победителя. Дальнейшие сведения о нем слишком противоречивы, чтобы полагаться на них. Один летописец пишет, что Демна был ослеплен и вскоре умер, другой – «получил по заслугам», а третий и вовсе умалчивает о наказании...

Георгий III еще при жизни венчал Тамару на царство. (С венчания Ростеваном на царство своей дочери Тинатин начинается «Витязь в тигровой шкуре»).

После смерти Георгия III государственный совет – дарбази обсуждает вопрос о замужестве царицы. Выбор падает на русского княжича Юрия, сына Владимиро-Суздальского князя Андрея Боголюбского.

Грузинское посольство провозит Юрия через теснины Дарьяла по дороге, впоследствии названной Военно-Грузинской, и доставляет в Тбилиси. Династическим браком Грузия налаживала союз с христианской Россией.

Но брак оказался неудачным и недолгим: летопись внятно намекает на слабости и недостатки русского князя. Опальный

супруг был удален в Византию. Оскорбленный, он дважды пытался вернуть себе трон грузинских царей, но оба раза потерпел поражение. Где и как он кончил свою жизнь, никто не знает.

В 1189 году Тамара венчалась вторым браком с осетинским царевичем Давидом Сослани – отпрыском боковой ветви Багратионов. Не будучи крупным государственным деятелем, Давид Сослани проявил себя как военачальник. Под его предводительством грузины одержали ряд побед, как на востоке, так и на юге. Затем Тамара вступилась за грузинские монастыри на территории Византии (по рассказам монахов-беженцев, византийцы бесовестно обирали их). Грузинское войско вступило в пределы империи и заняло южное побережье Черного моря вплоть до Синопа и Гераклеи. Эти земли были большей частью заселены грузинскими племенами – лазами. На занятой территории возникло новое государство – Трапезундское царство, на престол которого Тамара возвела своего родственника Алексея Комнена.

Такое усиление Грузии встревожило мусульманских владетелей. Султан Рукн ад-Дин собрал огромное союзное войско и направил к царице Тамаре посла с дерзким письмом. Послу пришлось заплатить за дерзость: вспылыв, полководец Закария Мхаргрдзели с такой силой ударил турка по лицу, что того едва привели в чувство. Посла щедро одарили и отправили восвояси. И чуть ли не следом за ним двинулось грузинское войско.

Сражение произошло в 1204 году в Басиани, около Эрзерума. Враг был разбит. Сам султан Рукн ад-Дин едва спастся...

Много походов упомянуто в летописи. Историографы царицы Тамары с гордостью перечисляют завоеванные города – Хлат, Карс, Тавриз, Казвин, Ром-Гур, Эрзерум, Синоп и десятки, десятки других. Но в этом горделивом перечне нет подлинного величия «Покаянных песнопений» Давида Строителя.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИТ ЛЮБИТЬ

— Нелли СКОГОРЕВА

Этого интервью пришлось дожидаться целых полгода, ведь Максим Аверин – один из самых востребованных и успешных артистов современного театра и кино. В Грузии Максима любят не меньше, чем в России, и эта любовь взаимна.

— Максим, недавно ты отметил свой день рождения. Что ты считаешь главным достижением к своему возрасту?

— То, что я за эти годы не превратился в унылого человека. Другой бы сломался, подорвал здоровье и уже сидел бы в кресле-качалке и брюзжал на жизнь. А я воспринимаю успехи и провалы равноценно. Провал – это возможность что-то сделать снова, работа над ошибками. А к успеху я всегда отношусь так: а что же дальше? Однажды я брал на ТВ интервью у Татьяны Тарасовой, и мы пришли к выводу, что Олимпиада для спортсмена и премьеры для артиста – очень похожие вещи. Это момент кризиса, когда ты думаешь, а что дальше? Вообще, успех и провал – это одиночество, и при успехе ты один остаешься, и при провале. Только успеха не прощают.

— А что для тебя провал?

— В молодости были фильмы... Даже не помню их названий. А провалом их считаю потому, что ничего нельзя исправить, ты влез в этот проект благодаря уговорам продюсера, а вышел пшик. В театре тоже были неудачные постановки. Например, «Укрощение строптивой» в Театре Наций. Правда, я так его и не выпустил. Там причиной неудачи был человеческий фактор. А

еще для меня провал, когда спектакль «не выстрелил», не получился сегодня. Когда я выхожу со сцены и понимаю, что не добился ничего. Никогда не обвиняю зрителя. Если не было «теплообмена» между мной и залом – это моя беда. А я это всегда чувствую, это как мои биочасы, как измеритель давления. Я ощущаю ритм, и он для меня очень важен – ты выходишь на сцену, три минуты тебя любят, а дальше ты должен доказывать, почему они должны тебя любить. Терпеть не могу, когда зритель в одном месте, действие – в другом, и нет взаимодействия. Я вижу иногда такие спектакли, и мне становится плохо. По мне, когда зритель выходит со спектакля или фильма, с ним должно что-то произойти, какое-то движение души.

— После твоего моноспектакля испытываешь потрясение, даже если смотришь его в третий или в седьмой раз. Где ты черпает столько энергии?

— Я люблю свой моноспектакль, потому что там живая история, и он сам живой. Я взрослею, и этот спектакль взрослеет со мной вместе. Сейчас он в той форме, которая мне очень нравится. Например, у меня там

«Арбенин. Маскарад без слов»

был как бы антрактик, где я много шутил. А сейчас я думаю, что не надо развлекать, надо не бояться быть настоящим. Мои эмоции должны попадать в душу каждого. И если это случается, ты слышишь тишину... Вот сейчас я работал в зале на полторы тысячи человек и видел, как они, замерев, убрали телефоны — они слышат, они внутри, они соучастники. На мои спектакли ходят и подростки 15-16 лет, даже на спектакль «Лес» в Театре Сатиры, хотя он очень классический. Никто там голым не скачет по сцене, а все равно — аншлаги. А по поводу моей энергии... Во-первых, я думаю, это генетика — моя мама очень любила жизнь. А во-вторых, когда я отдаю, я же и получаю в ответ. Удивляюсь, когда говорят: береги себя. С какого перепугу я должен себя беречь? Моя профессия подразумевает отдачу нервных клеток, я заряжаюсь от самого процесса творчества. Меня это возбуждает. В 19.00, не знаю откуда, включается эта кнопка, когда хочется жить, пить шампанское, радоваться! И даже после спектакля я не могу остановиться! Наши театральные охранники обижаются на меня, потому что все уже ушли домой, а мне надо посидеть, разгримироваться, покурить, еще пожить в этом мире... Я потом долго не могу уснуть, а если спектакль не получился, то и до утра не усну.

— Несколько лет назад ты привозил в Тбилиси свой моноспектакль и играл его в свой день рождения. И так было два года подряд. Наверное, не случайно?

— Грузия для меня, в первую очередь, это Театр Руставели. Я, учась на втором курсе, пошел в Театр Вахтангова, где гастролеровали руставелевцы, и посмотрел «Добрый человек из Сезуана» и «Кавказский меловой круг». Это меня потрясло! Это лучшее, что я видел. Когда я поступил в театр «Сатирикон», то моим первым режиссером стал Роберт Стура. У меня была небольшая роль в «Гамлете». Тогда нельзя было загуглить, какой Стура внешне, я был убежден, что это худой засушенный интеллигент, и вдруг вижу на репетиции крупного, медленно говорящего грузина, ужасно колоритного. Работа с ним — интереснейший опыт... Когда мы приехали на гастроли в Тбилиси, грузины встречали нас просто фантастически. А потом нас пригласила в гости в свой маленький домашний театр Софиико Чиаурели. Помню, там висело фото великой Верико Анджапаридзе — она была снята сидя, и тапочек упал у нее с ноги... Прошло время, Софиико уже не было, я приехал в Тбилиси и снова пошел туда. Меня пустили внутрь, хотя там шел ремонт. Я во-

шел, стоял, вспоминал... И опять все время были интересные встречи, и я все время чувствовал любовь грузин. У них такое отношение: если ты с ними честен, все простят тебе. Даже если не в ту ноту попал — не страшно. В Грузии у меня появилось много друзей. Я мечтаю снова вернуться туда. И очень хочу сыграть спектакль с грузинскими артистами.

Я люблю Грузию, люблю старый город с его переулочками, запахом кофе. Люблю Мцхета. А в храме? Песок, свеча — все. Лаконично, как сама жизнь. Помню, меня пригласили на репетицию тан-

«Научи меня жить»

цевального ансамбля «Сушишвилеби». Я просто впечатался в стену — какая мощь, какая энергия! Люблю этот накал. Люблю Нани Бреговдзе. Я даже брал у нее интервью. Мне кажется, Нани — совесть нации. Прожить жизнь так достойно, чтобы никто не смог плюнуть тебе в спину — это редко кому удается. А какая красавица! Она с годами стала еще краше. В Грузии вообще особенные женщины. Каждая — герцогиня! Там, по-моему, руководят женщины, а не мужчины. Обожаю Вахтанга Кикабидзе. Именно советское кино нам подарило его. А гениальный дуэт Фрунзика и Вахтанга? Могу бесконечно смотреть «Мимино» и все фильмы Георгия Данелия. Такое кино могло быть только в Советском Союзе. Человек был защищен. И к чему мы сейчас пришли? Человек человеку — волк.

— Кстати, часто ли тебе «плюют в спину»?

— Не веду такую статистику. Но, как сказала мне однажды Людмила Гурченко, «если тебе плюют в спину, значит, ты идешь вперед». До какого-то времени я, наверное, жил иллюзиями, не замечал мерзости. Обратил на это внимание после 40 лет. Понял, что не все так просто. Но мне по-прежнему хорошо в моем мире, я до головокружения люблю свое дело. Это интересней, чем реальный мир, который мне пытаются подсунуть. Мне интереснее провести вечер с книгой или посмотреть что-то в театре. Мне нравится смотреть спектакли, ведь это возможность учиться. И в театре, и в музыке все меняется так быстро, что надо быть в курсе, нельзя упираться в себя.

— Ты много работаешь и в театре, и в кино, и на телевидении. Что доставляет тебе больше удовольствия? Что для души, а что для зарабатывания денег?

— Помимо всего, я еще и художественный руководитель Сочинского филармонического объединения. Еще работаю в чтецких проектах. Наконец, преподаю. Если бы что-то было мне не интересно, я бы этим не занимался. Да, были 90-е. Выбирать материал не приходилось, и я работал для денег. Но опять же, это была возможность становления, закалка характера. Я не мог сидеть на кухне, пить горькую и страдать, какой я непризнанный. А сейчас уже имею право распоряжаться своим временем, как хочу. Неинтересно сидеть ровно и упиваться успешностью. Интересно заниматься искусством. Тем более, разными его формами. В театре искусство невозможно пощупать, вчерашний спектакль ушел, он исчезает, как только гаснет свет. Но там есть возможность, как писал Валентин Гафт, «вернуться, что-то изменить, остановить на миг мгновенье». А кино — непоправимо. Ты подчиняешься воле режиссера, монтажера, оператора, и результат тебе не принадлежит. Работа над ошибками невозможна. Если это провал, то он неисправим. Моя жизнь достаточно счастливая. Странно было бы сказать, что, работая над хорошим материалом, ты это делаешь для зарабатывания денег. Но главное — я выбираю. И соглашаюсь работать

В моноспектакле «Все начинается с любви» в Тбилиси

только там, где мне интересно. Не могу сказать, что я реализован полностью, но мне грех жаловаться. А успешность — очень эфемерная вещь, которая требует ежедневного доказательства.

— Если бы ты играл в кино Максима Аверина, какими комплексами ты бы его наделил? Например, недавно прошел слух, что ты нарастил волосы. Это так?

— Ничего подобного. Я не лысый, я бритый, и это не комплекс. Мой главный комплекс — вечная борьба с весом. всю жизнь то худею, то толстею. Но я

гедонист — мне нравится вкусно поесть, выпить в хорошей компании. При этом за спектакль иногда теряю пять килограммов. Перед спектаклем никогда не ем, вот сейчас 4 часа, и теперь я перекушу только после спектакля, перед сном. Сплю всего пять часов, и мне хватает. До сих пор не могу понять, кто я — «сова» или «жаворонок»? Потому что поздно ложусь и встаю в 6 утра. Не помню себя долго спящим. Редко болею. Заболеваю, когда уже нужна капельница. Я школу не мог прогулять, все знали, что я никогда не болею. По снегу бегал босиком — и ничего! Однажды папа решил меня проверить: «А слабо тебе моржевать? Сможешь?» И только когда я уже занес ногу над прорубью, он сказал: «Стоп! Можешь, но не надо».

— Пять лет назад у тебя не стало мамы. Ты почувствовал, что потерял ангела-хранителя?

— Сразу же. И теперь ты первый стоишь перед смертью. Раньше думал, что все навеки, а теперь ощущаю, что конечная точка неизбежна. Навсегда ничего не бывает. Прошло уже столько лет, а я до сих пор растерян. К этому привыкнуть невозможно, жить с этим трудно. Даже в моменты счастья — 25-м кадром — а мама? Но живу дальше... Знаешь, когда мама развелась с отцом, она не запрещала нам общаться, но сама никогда больше с ним не встречалась. Думаю, в этом есть какая-то неправда. Если человек совсем уж негодяй, то можно вычеркнуть его и «переходить на другую сторону». Но в данном случае было не так — ведь люди прожили долго, были счастливы. Так же и с дружбой, которая закончилась — ведь были же моменты взаимопонимания? Я вывел такую теорию: всему есть срок — в дружбе, в любви, даже в профессии. Мой уход из театра «Сатирикон» тоже был неслучаен: пришел срок. Не надо никого обвинять, просто всем стало не по пути. Такова наша черта — мы врываемся в жизнь человека с чемоданами, а когда выезжаем, всю эту «квартиру» души человека обносим негативом.

— Толстой сказал, что «любить одного всю жизнь все равно, что сказать, что одна свеча будет гореть всегда». Ты согласен?

— Не совсем. Любовь все равно остается внутри тебя. Я по пальцам одной руки могу перечислить

«ОПЕРАНИЦИХ»

людей, с которыми не хочу встречаться. Даже если отношения были сложные или с надрывом, моменты счастья все равно перевешивают. Я жалею людей, которые живут в вечной обиде на кого-то. Она обрубаёт человеку путь.

– Как часто ты влюбляешься?

– Каждый день – в талант, в партнера, в режиссера. Собак своих люблю, родную Москву люблю. Осень люблю – самое красивое время года. Хотя с годами начинаешь любить и зиму, и даже март, который я всегда ненавидел, потому что все самое плохое у меня произошло в марте. Но обвинять во всем март глупо – просто какая-то ужасная закономерность. Без любви жить не могу. Никогда. Но это не значит, что я непротивленец злу насильем. Если дело касается профессии, могу быть жестоким. Не терплю непрофессионализм, для меня это неприемлемо. Если человек халтурит, я могу ему сказать об этом, если я вижу какой-то хаос или несправедливость, молчать не буду...

– Сергей Параджанов в свое время сказал, что в Советском Союзе есть два выдающихся артиста – Иннокентий Смоктуновский и Людмила Гурченко. А кого бы ты сейчас назвал?

– Мне кажется, сейчас есть, на кого смотреть. Люблю смотреть на Ксению Раппопорт, Евгения Миронова. Много есть выдающихся артистов с широкой палитрой. В театре Вахтангова – целая плеяда замечательных артистов. При Римасе Туминасе произошла смена вех, образовалась мощная труппа, появились и мощные спектакли – «Война и мир», «Евгений Онегин», «Дядя Ваня»... Сейчас принято ругать молодых, но я преподаю им и получаю огромное удовольствие, хотя и ухожу от них тяжело больным, уставшим человеком – ты же отдаешь им энергию. Никого нельзя научить таланту. Таланту можно только подстелить соломку и сделать огранку, как ювелир – алмазу. Талант вообще нам не принадлежит – это от бога. А когда человек перестает его кристаллизовать, Господь талант забирает. Я замечал, что многие мастера настолько заикливались на себе, и окружение так их в этом поддерживало, что они переставали слышать время и людей. Они садились в талант, как в кресло, а Господь говорит: «Ах так? Пойду-ка я к другому».

– Каков твой критерий хорошего спектакля, фильма?

– Меня должно будоражить эмоционально. Я всегда привожу в пример французский фильм «Амели» – после него хотелось выйти на улицу и сделать что-то хорошее. Но если я вижу желание покрасоваться или провокацию, то мне становится неинтересно. А если есть душа, желание достучаться, докричаться, выговориться по-настоящему, тогда – да, это искусство. Я за поэтический театр – не в том смысле, чтобы стихи читать. Вот сейчас в Театре Сатиры я играю «Маскарад» Лермонтова – спектакль пластический, там нет ни единого слова, а я считаю его поэтическим. Не должно быть скучно ни в трагедии, ни в комедии. Вообще я думаю, что жанров нет – и там, и там есть свои противоположные краски, как в жизни, только надо уметь

их доставать. Когда мы смотрим фильмы Чарли Чаплина, мы смеемся и плачем одновременно. Он был первым в этом жанре. Вот сейчас мы с тобой смотрим на улицу – и вдруг человек спотыкается и падает. Нам смешно, а ему совсем не смешно. Что это – комедия или трагедия? Это сама жизнь.

– Мне кажется, твое отношение к жизни отражает твоя татуировка – «Мы там, где мы есть»? Что она означает?

– Мы все время говорим: «Там хорошо, где нас нет». И тем самым обкрадываем себя. А я хочу ежесекундно помнить, что там, где я, – всегда прекрасно. Не потому, что я такой замечательный, а потому, что жизнь – это и есть самое большое счастье, величайший подарок. Мы заблуждаемся, считая, что счастье – где-то, а не сейчас. Надо любить жизнь, и тогда ты генерируешь энергию для жизни, а когда повторяешь, что все плохо, то направляешь себя в пропасть. Жить надо сегодня. «Вчера» не повторится, «завтра» может не быть, а сегодня – твой лучший день. Но это мало кому удается. Вот почему у меня спокойное отношение к наградам – это всего лишь статуэтка, а завтра никто и не вспомнит, за что ты ее получил. Поэтому у меня нет синдрома утерянного счастья. Нельзя требовать от бога милости, а самому ничего не делать. Это, кстати, меня очень раздражает – почему-то все думают, что кто-то кому-то что-то должен. Никто никому ничего не должен! Я никогда ни на кого не рассчитывал. Все, что я сделал, – это только мой труд. Ты работай, делай и успеха не жди. Если ты достоин, то успех сам тебя найдет. Почему мне нравится служить в театре? Это возможность не жить вчерашним, а каждое «сегодня» – новый виток. Тем более сейчас – когда будущее полностью непредсказуемо. Два года пандемии и сегодняшняя реальность говорят о том, что пора начинать жить сегодня.

– А есть что-то в твоей жизни, о чем ты жалеешь?

– Например, был концерт в Твери – открытие памятника шестидесятиникам. И там присутствовал Евгений Евтушенко. Я хотел прочесть со сцены два его стихотворения. Но концерт оказался длинным, все устали. И я решил, что прочту только одно. Так и сделал. Безумно сожалею об этом! Еще очень жалею, что не поработал с Марком Захаровым. Это был мой режиссер. Столько раз мы соприкасались, и он хотел со мной поработать, но не случилось. Это реальные вещи. А о том, что солнца нет и осень пришла – какой смысл жалеть? Я еще не сделал и пятидесяти процентов из того, что хотел бы сделать...

– В том числе – получить «Оскара»?

– Никогда не хотел ни «Оскара», ни карьеры в Голливуде. Ни один наш артист не добился там успеха. Поработать для приобретения опыта – да. Но строить планы на страну, где думают и говорят на другом языке, – глупо. На гастролях я всегда испытываю желание вернуться домой. И никогда не появлялась идея уехать куда-то. Нет, «Оскар»

На праздновании пятилетия сериала «Склифосовский»

– это где-то там, я не фантазирую на эту тему. А вот чего я по-настоящему хочу – так это сыграть роль Мюнхгаузена по прекрасной пьесе Григория Горина. Уверен, что это моя роль. Но надо найти площадку, режиссера, продюсера. Все должно сложиться. И так же должны сложиться обстоятельства, должно прийти время для осуществления моей главной мечты – иметь свой театр. Я жду Его Величество Случая.

– Ты упомянул о том, что сам брал интервью. О чем бы ты в интервью спросил себя? О чем тебя еще не спрашивали?

– Не знаю, о чем не спрашивали, но скажу, о чем всегда упорно спрашивают. И это меня раздражает, и я стараюсь реже давать интервью. Во-первых, говорить одно и то же – скучно. А главное, мне всегда обещают, что будут говорить о театре и кино, но начинают съезжать на личную жизнь. Многие люди не понимают, что моя личная и неличная жизнь – это творчество. У меня нет кнопки переключения с личной жизни на творчество. Моя жизнь всецело посвящена профессии. Не верят. Говорят – нет, не может этого быть! Поэтому вокруг меня сейчас только те люди, которые это понимают и не задают вопросы – кто я для тебя, на каком я месте? Я не собираюсь расставлять приоритеты.

– Что в тебе поменялось с возрастом и с успехом?

– Больше времени хочется проводить с близкими, в тишине. Раньше энергии было много, наверное, даже чересчур. И я тратил ее на тусовки, было не жалко. А сейчас хочется накапливать энергию, не разбазаривать. Это, конечно, не следствие успеха, просто режим энергосбережения. У меня такой ритуал – за 15 минут до начала спектакля я сижу в гримерке один, включаю «Болеро» Равеля, не спеша облачаюсь в костюм, сам гримируюсь. Это моя настройка, я не могу в этот момент говорить о футболе, к примеру. Заканчивается Равель, и я выхожу на сцену. К работе надо готовиться. Хирург же не входит в операционную с возгласом – а, привет! Кстати, я, когда начинал играть в «Склифосовском», проводил много времени в больницах, наблюдал за мелочами – как они смотрят, как настраиваются, кто ассистирует, какие сестрички... От этой реально-

сти рождается роль. Потому врачи и говорят мне хорошие слова...

– Сейчас ты репетируешь в спектакле «Бег» по Булгакову, который Александр Лазарев ставит в «Ленкоме Марка Захарова». Как тебе работается?

– Я вообще люблю этот театр, он самый красивый театр в Москве после Большого. Весной мы сдавали руководству театра первый акт в Малом просмотровом зале, и за кулисами я вдруг налетел на торец стола. Потекла кровь. Поднимаю глаза – и передо мной портрет Захарова. «Здравствуйте, – говорю, – Марк Анатольевич. Вот и началось... С кровью я вошел в ваш театр». А если серьезно, то надеюсь, что в этом же театре будет работа, о которой я давно мечтаю, – вестись в «Поминальную молитву» на роль Менакера. Произведение это беспроектное. Оно так было продумано Гориним и Захаровым, что там все работает, как по лекалам. Саша Лазарев круто сделал эту работу, бережно перенес все в современную версию. Я обожаю Андриюшу Леонова, он очень хорош в «Молитве». А старший Леонов для меня просто кумир. Я пытался намеками разговаривать с Лазаревым, и, наконец, он сказал: «Давай после «Бега» мы это сделаем». Так что – жду.

– В одном из своих интервью ты выразился так: когда выхожу с репетиции или со съемочной площадки, важно, чтобы в спину сказали: «Какой классный парень!» Почему тебе так важно всем нравиться?

– Люблю работать в комфорте. Люблю, чтобы все было окружено любовью – тогда я расцветает. На съемки «Петра Первого» я приехал позже, съемочная группа уже вся сдружилась. Приезжаю в 7 часов утра и просто места себе не нахожу от нервов – как будто влез в чужой монастырь. Давление скачет. Кажется, все только на меня и смотрят. Но прошло несколько дней, я освоился и уже всех любил, а они – меня. Повторю, я – за любовь внутри человека и вокруг человека.

Пока мы с Максимом беседовали, к нему несколько раз подходили люди с просьбой сфотографироваться, и он никому не отказал. Чем и подтвердил свою последнюю фразу.

Ирина Голицына

Те имена, что ты сберег

Владимир ГОЛОВИН

Высокая мода XX столетия своими знаковыми именами обязана, в основном, западу и центру Европы. Франция подарила миру парижанина Ива Сен-Лорана, Коко Шанель из города Сомюр на Луаре, Кристиана Диора из нормандского Гранвиля. Италия – Джанни Версаче из Калабрии и Джорджио Армани из Пьяченцы. Германия – Карла Лагерфельда из Гамбурга... А вот итальянскую «принцессу мировой моды», во многом определившую стиль женской одежды 1960-х, миру дал Тбилиси. Ирина Голицына была из знаменитого древнего княжеского рода, а в венах ее матери, по словам Ирины, текла грузинская кровь. Во второй половине прошлого века Голицына считалась самой элитной среди итальянских кутюрье.

Отец будущей законодательницы моды полковник Борис Голицын служил в 17-м драгунском Нижегородском Его Величества полку, расквартированном в Тифлисе. Там самом полку, которым в 1821-22 годах командовал

другой князь – Александр Чавчавадзе, тесть Александра Грибоедова. В июле 1916-го Нина Ковальджи, супруга Голицына, рождает дочь Ирочку, которая видит отца недолго. В 1918-м тот отправляется на английском противолодочном судне «Спирей» из Батуми в Новороссийск и командует эскадрой в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии Добровольческой армии белых.

У его дочери – уникальная память, и она на всю жизнь запоминает город, в котором жила совсем крохой: «Почти два года я прожила в Тбилиси и каким-то образом уловила любознательный, шуточный и живой характер их обитателей, в котором смешались как азиатские, так и европейские влияния. В те дни было голодно. Знаменитый базар, сердце города, где до войны люди охотно встречались и проводили частенько целые дни, почти полностью опустел, как пришли в запустенье и небольшие полуподвальные таверны, в которых раньше подавали жареную баранину, рис и грузинское вино. Чем ниже падал курс ру-

бля, тем сильнее становился голод, а условия жизни – все труднее и труднее».

Семье, не получающей ни поддержки, ни вестей от мужа и отца, живется нелегко. На помощь приходит приехавший с фронта Петр Ден, сослуживец Голицына. Они с женой Кетеван поселяют Нину с Ирочкой у себя и вместе с няней Дуней всячески опекают. Нина работает сестрой милосердия в госпитале и умудряется не тратить зашитые в одежду фамильные драгоценности. Значительную их часть конфисковали власти и на просьбу вернуть дали краткий ответ: «Драгоценности являются государственной собственностью».

Супруги Ден, в доме которых живут Голицыны, решают эмигрировать и уговаривают Нину ехать вместе с ними. Но та категорически отказывается – она верит в возвращение мужа, а отыскать ее он сможет лишь в Тифлисе. «Она продолжала упорствовать, хотя люди вокруг нас начали уезжать, – вспоминала Ирина. – Кто мог, покидал Грузию на транспортных судах, другие выезжали на чем придется.

Герб князей Голицыных

Супруги Ден оставили свой дом, а няня Дуня решила остаться, чтобы ухаживать за мной».

Жить по-прежнему нелегко. Знакомые дипломаты предлагают Нине уехать в Италию или в США. И она делает выбор: «Почему в США? Это все равно, что отправиться на Луну. Лучше уж Италия». И в 1918-м поднимается с дочерью на пароход, идущий в Константинополь. С ними – няня Дуня, «женщиной с удивительной философией жизни, наделенная редкой мудростью и человечностью».

В Константинополе, переполненном российскими беженцами, они оказываются в обстановке, хорошо известной тем, кто знаком с булгаковским «Бегом». А это – слова Ирины Голицыной: «В Турции тогда царил хаос. Женщины даже из высших кругов были вынуждены заниматься проституцией, чтобы выжить... Молодая и красивая, Нина обращала на себя внимание, к ней приставали, кроме того, она просто не знала, что ей делать». А сама цель отъезда вдруг оказывается недостижимой: в Риме принято решение запретить въезд русских беженцев в Италию. Потом Нина признается дочери: «Если бы я не смогла уехать, я бросилась бы в Босфор вместе с тобой».

И тут появляется сотрудник итальянской военной миссии, ранее работавший в Грузии, будущий посол в Сербии Алессандро Боддер. Увидев Нину, которую знает по Тифлису, он изумлен.

И, выслушав печальную историю, делает интересное предложение: «Каждый день я отношу горы бумаг моему начальнику. Напишите прошение о въезде в Италию, и я положу его среди других документов. Он никогда их внимательно не просматривает, и я надеюсь, что он подпишет разрешение». Авантюра удается, и три беженки оказываются в заветной Италии.

В Риме они меняют пансионы, гостиницы, квартиры, но живут, в общем, безбедно – пригодились вывезенные в одежде драгоценности. К тому же, Нина, свободно говорящая на французском, английском, итальянском и русском, играющая на фортепиано, дает частные уроки. Ей даже предлагают сняться в кино – в Риме начались съемки знаменитого американского фильма «Бен Гур», она прошла пробы, но отказалась: поняла, что богемная голливудская жизнь не для нее.

Из советской России, опять-таки с помощью дипломатов, ей удается вывезти мать, «раздавленную выпавшими на ее долю страданиями». И все время продолжает безуспешные поиски мужа. А потом на авансцену выходит Его Величество Случай. Иру, бегающую по гостинице, возвращает матери встреченный у лифта писатель Курцио Малапарте. Услышав слова «Княгиня Голицына», он изумлен: «Я недавно вернулся из Варшавы, всего несколько дней назад к нам в итальянское посольство пришел офицер Борис Голицын и просил помочь найти в Италии его жену». Нина, как говорится, теряет дар речи и с тех пор думает лишь о том, как организовать приезд мужа в Рим.

Оказывается, дороги Гражданской войны привели полковника в Польшу, где его интернировали и поместили в лагерь для военнопленных. Освободившись и выяснив, где его семья, он стремится в Рим... «Я не могу восстановить детали встречи, – признавалась его дочь. – Осталось в памяти несколько эпизодов, когда он приходил за мной в детский сад... Он был красив, в нем чувствовался хороший стиль... По характеру он не был сильным человеком. Отец любил выпить, он сам изготавливал водку, это был сложный процесс: что-то

нужно было кипятить, фильтровать, в эти минуты мама выходила из себя. Сигареты он тоже делал сам».

Но семейные отношения не складываются. Нина целыми днями на работе, Борис проводит время с другими беженцами-бывшими офицерами. Он не может приспособиться к римской жизни, не говорит по-итальянски и раздражается от музыки, которую так любит его жена. «Родители оказались настолько разными по характеру, вкусам и интересам, что, я полагаю, они просто не могли оставаться более вместе... В какой-то момент ничего уже нельзя было сделать. Я чувствовала, что дела идут плохо, хотя отец меня обожал и относился ко мне очень нежно», – вспоминала Ирина.

В конце концов отец уезжает в Торенто, к племянникам, которые вместе с группой беженцев из России решают, куда отправиться дальше. Борис выбирает Париж. Это – шок для Ирины, она не знает, как теперь относиться к отцу, который продолжает писать ей нежные письма. Она даже заставляет себя думать, что у нее уже нет отца, но все равно несколько лет ждет его возвращения. А он женится на бывшей жене своего бывшего денщика, та в восторге, что вдруг стала княгиней, и постоянно

Родители Ирен

Ирен в юности

но твердит ему о первой семье: «Забудь о них и не пиши им...»

Оставшись без мужа, Нина продолжает доказывать, что умеет «держаться на плаву», — она сумела дать дочери прекрасное образование. А вот — взгляд самой Ирины на свои детские годы: «После садика я поступила в начальную школу Сакро Куоре на Тринита дей Монти... Поскольку я была православной веры, на мое поступление в школу потребовалось специальное разрешение кардинала Мерри дель Валя — друга моей матери... После начальной я поступила в среднюю школу... С учебой в школе я справлялась, не очень убивая себя занятиями. ... В семь лет я была живой длинноногой девочкой с умными глазами... С детства мне нравилось примерять мамину одежду и обувь, нацеплять на себя найденные старые вещи, словом, наряжаться, как взрослая синьора... Когда мне было всего восемь лет, мама даже послала меня в Оксфорд, к друзьям, чтобы я хорошо выучила английский. Но большую часть времени я проводила на конюшне, среди лошадей и конюхов... Когда она приехала за мной, то обнаружила, что вместо английского я всю болтаю на жутком жаргоне кокни».

В шесть лет она попадает на

балет с участием великой Анны Павловой, знакомой ее матери. Восторженное впечатление от спектакля остается на всю жизнь. «В конце спектакля мы пошли поздороваться с ней в артистическую, и я пробормотала: «Как бы я хотела танцевать, как Вы!» Павлова осмотрела мои ноги, сняла мою туфельку и сказала маме: «Думаю, что девочка могла бы хорошо танцевать». После чего я уже не давала покоя маме, хотела обязательно учиться танцам». И Ирочка оказывается на курсах танцев в оперном театре. Но уж очень высока она была для своих лет, да еще нужно было время, чтобы «успевать с учебой, занятиями спортом, языками».

В том возрасте, когда подростки превращаются в «трудных», отношения дочери и матери становятся напряженными — Ирина не желает говорить по-русски. А Нина решает дать ей такое образование, «как если бы мы остались жить на родине», — чтобы не ощущать себя эмигрантами. «Чтобы разрешить эту проблему, меня направили на уроки к одной из дочерей Толстого — Татьяне, его любимой. Я встретила с ней, когда она уже была пожилой женщиной, внешне очень похожей на отца... После обеда мы вместе читали «Войну и мир» на русском языке...»

Впрочем, и помимо толстовской дочери Татьяны Сухотиной

есть кому общаться с девочкой на русском. В их дом часто приходят одни из ярких представителей русской эмиграции. Все та же Анна Павлова. Участники убийства Григория Распутина — князь Феликс Юсупов, граф Сумароков-Эльстон и великий князь Дмитрий Павлович, сын брата Александра II. Кстати, Феликс запомнился «божественным пением». Его мать, княгиня Зинаида, каждый год на Пасху дарит Ирине яйцо работы Фаберже (!). Ее племянница Бэби, стала первой русской подружкой Голицыной-младшей.

В итоге, после школы, девушка, которая уже называет себя на европейский манер — Ирен, блестяще говорит на русском и английском, итальянском и французском. Она учится в Римском университете, в Кембридже и Сорбонне. И хочет быть дипломатом. Эта профессия позволяет много путешествовать, а ее заветная мечта — «путешествовать, узнать мир и людей». К тому же, она не забыла, сколько добра сделали дипломаты ее семье.

Но жизнь распорядится так, что Ирен, подчеркивающая свою независимость, первые заработки получает, переводя новые фильмы с английского на итальянский. Изнутри познает мир кино, даже знакомится с известными итальянскими актерами. И никто предположить не может, что через несколько лет

Сестры Фонтана

они станут ее первыми клиентами в мире моды, которой она увлеклась еще в годы учебы. И начала сама придумывать фасоны одежды, комбинировать с недорогими тканями и аксессуарами.

А потом — судьбоносный бал. Ее первый настоящий бал — для 18-летних, в честь дня рождения друга из богатой семьи, на знаменитой вилле Аурора. Там никак нельзя появиться в простеньком платьице, вдобавок туда пригласили офицера-кирасира, в которого Ирен была безумно влюблена. Но ведь у нее — княжеский титул, открывающий путь в аристократические круги с большими связями и деньгами. И он помогает свершиться чуду. В роли феи — графиня Кора Каэтани, мать подружки Ирен. «Не отчаивайся, — сказала она, — я познакомлю тебя с тремя портнихами, они прибыли из Пармы. Я отнесла им платье, которое купила в Париже, чтобы они сшили такое же, и они с этим отлично справились. Увидишь, мы сможем что-то сделать».

Портнихами были три сестры Фонтана, которым покровительствовал сам Муссолини из-за их «национальной предпримчивости и таланта» и противостояния «буржуазной моде Франции и Англии». Ирен вспоминает: «Графиня Каэтани дала мне несколько советов, я не хотела иметь традиционное платье, полагающееся для debutantки, мне хотелось облегчающее платье с красивым декольте. Я выбрала ткань небесно-серого цвета, слегка переливающуюся, и мне сшили из нее костюм широкий и длинный со спины и более короткий спереди, очень остроумного покроя. Идеи были мои, а сестры Фонтана осуществили их на удивление хорошо».

В общем, первый бал Ирен Голицыной удастся не хуже, чем у Наташи Ростовской. Ее наряд имеет такой успех, что девушки из итальянской элиты все чаще обращаются к сестрам Фонтана. А потом уже сами эти сестры обратились к Голицыной — они хотели обсудить, как использовать пустующую виллу. С помощью Ирен виллу «разделили на три сектора, на верхнем этаже поселятся портнихи, на втором будут мастерские, а внизу — примерочные комнаты и залы для верни-

Ирен в ателье Фонтана

сажей». И девушка начинает работать у Фонтана швеей-мотористкой. При этом она «записалась на курсы живописи и рисунка и предавалась мечтаниям над страницами журнала «Вог». Дальше — больше: «Я уже участвовала в показах мод ателье сестер Фонтана. Я представляла первую и последнюю модели. Остальное время я проводила в поиске тканей и создании коллекций одежды. Я сумела привести в наше ателье всех своих подруг и их матерей. Кроме того, я уговорила участвовать вместе со мной в качестве моделей нескольких своих близких подруг. Я сказала, что, поскольку им вообще нечего делать весь день, они могли бы мне помочь в новой работе. Профессия манекенщиц тогда считалась зазорной, но мы посмеивались над этим. В ателье мы привлекали многих представителей высшего римского общества и, таким образом, способствовали успеху сестер Фонтана».

Сестры становятся законодателями итальянской моды и предлагают Ирен не только создавать оригинальные, элегантные модели, но и заниматься тем, что сегодня называют «пиаром». Теперь в ее обязанностях — и демонстрация платьев, и переговоры с клиентами, и поиски тканей. На нее работают и изысканный вкус, и аристократические манеры, и амбициозность, и трудолюбие, и владение языками. Постепенно известность Фонтана выходит за пределы Италии, аж из Голливуда делают заказы Одри Хепберн, Элизабет

Тейлор и Ава Гарднер.

И Голицына выезжает за границу для «пиара». В Париже она встречается с отцом, и их связь уже не прерывается. А главное — она знакомится с мэтрами высокой моды Кристианом Диором и Кристобалем Баленсиагой, с кинозвездами и с диоровской русской моделью Аллой Ильчун, которая соглашается приехать в Рим и пройти по подиуму в платьях от русской княжны. Именно после этих встреч Голицына и решает создать собственное дело. Ее поддерживают корреспонденты американского журнала «Вог». Так что мало кто удивляется, когда в 1946-м в Риме появляется ателье с громким названием «Дом высокой моды «Irene Galitzine». Создать его помогают многочисленные друзья, среди которых — и португальский аристократ Сильвиу (Сильвио) Медичи де Менезеш. Спустя три года он становится не только мужем Ирен, но и ее бизнес-партнером».

Закупив в Париже груды платьев от прославленных кутюрье, Голицына изучала тонкости отделки, швы и ткани: «Сначала я не покупала модели, лишь готовую одежду, которую девочки в Риме раскраивали, чтобы увидеть, как сделаны детали. А потом мы их изготовляли уже у меня... Когда было создано ателье, найдено направление моделей, все уже было готово для римского дебюта. Я пришла к сестрам Фонтана и сообщила, что покидаю их. Многие из манекенщиц... хотели последовать за мной... Передо мной открывались блестящие

Ирен в «дворцовой пижаме»

перспективы, и меня охватывала радость при мысли, что я буду работать по-новому и по-настоящему освою профессию».

Вскоре у этого ателье, одного из самых популярных в Италии, уже появляется своя разветвленная сеть. Но все равно, требуется время, чтобы на суд изысканной публики была представлена первая полная коллекция Ирен – она появилась в 1959-м, под названием «Альта мода». Автор говорила, что хотела подчер-

С Одри Хепберн

кнуть в ней «приветливый и шуточный характер темпераментных итальянцев». Коллекцию высоко оценивают в мире высокой моды. Американцы удостоивают дебютантку премии и звания «Модельер года». Газета «Нью-Йорк Таймс» прямо пишет: «Родилась новая звезда». И, конечно, нельзя не вспомнить вот, что: «В конце сентября меня позвали в Бостон для вручения своего рода «Оскара» за моду – премии «Филинз», международной премии, которую каждый год присуждает самый старинный магазин одежды в США итальянской, французской или американской фирме. До того времени эта премия присуждалась только трем модельерам мирового класса – французам Кристиану Диору и Пьеру Кардену и итальянцу Капуччи.... «За двести дней она стала королевой», – гласил заголовок статьи обо мне в журнале «Дженте»: «Американцы венчают одну из самых сенсационных женских карьер в области высокой моды. Русская княгиня достигла вершины среди волшебников ножниц менее чем через шесть месяцев после дебюта».

Но еще более широкую, прямо скажем, мировую известность Ирен получает в 1962 году, выпустив коллекцию брючных шелковых костюмов. Прогрессивнее на весь мир имя «дворцовая пижамы» им дает сама Диана Вриланд – гуру в области моды, куратор Института костюма в Метрополитен-музее Нью-Йорка, главный редактор журнала «Вог». Итальянская пресса называет Голицыну «дизайнером года».

Вообще-то, брюки для женщин были известны с конца XIX века. Однако долгое время они оставались элементом эпатажа, их носили лишь такие смелые и независимые женщины, как Марлен Дитрих или Кэтрин Хепберн. В 1911 г. Поль Пуаре создал юбку-брюки, и это был скандал. В 1920 г. Коко Шанель представила женские брюки для яхты, а в 1927 г. Люсьен Лелонг продемонстрировал женский лыжный костюм. Спустя годы Ив Сен-Лоран создает первый женский брючный костюм. Но все-таки представить даму в брючном костюме на торжественном приеме было невозможно. А

тут Ирен Голицына предложила элите зауженные брючки и небольшую тунику, украшенную восточной вышивкой, жемчугом, драгоценными камнями, расшитую золотом и серебром. И у Голицыной стали одеваться Жаклин Кеннеди, Грета Гарбо, Элизабет Тэйлор, Софи Лорен, Мария Каллас, Майя Плисецкая, Клаудиа Кардинале, Моника Витти... Деловые отношения со многими из них становятся дружескими. Ирен дружит с владельцем крупнейшего в мире частного флота Аристотелем Онассисом и его возлюбленной, знаменитой певицей Марией Каллас, семьей автомобильного

С Жаклин Кеннеди

магната Генри Форда II. Ее близкой подругой становится Жаклин Кеннеди, на ее глазах развивается роман Элизабет Тейлор и Ричарда Бартона. А Софи Лорен для нее – и клиентка, и соседка по подъезду...

В конце октября-начале ноября 1963 года она – в Калифорнии. Вечера проводит в компании семьи Юла Бриннера, кувейтского шейха Бадера Альмулла и других знаменитостей, Уолт Дисней становится ее экскурсоводом по Диснейленду. А Фрэнк Синатра привозит Ирен с друзьями в Лас-Вегас как своих личных гостей. И вскоре после этой безоблачной жизни, 22 ноября в Далласе смертельно ранят Джона Кеннеди.

«За несколько дней до трагедии Джеки позвонила мне, чтобы сказать: «На будущей неделе мы едем в Даллас, по возвращении

С мужем и Софи Лорен

я напишу тебе и что-нибудь придумаем, но помни, что ты должна обязательно приехать»... Когда я гостила у них, Джон Кеннеди захотел взглянуть на эскизы одежды, отобранной для Жаклин. Он сам предложил серьги с изумрудами, они очень подошли бы к костюму, который, по его выбору, жена должна была надеть для визита президента де Голля... Джон был человеком большой жизненной силы, жадный к знаниям... Когда я была у них, именно он активно поддерживал разговор, его интересовало все... даже моя работа, организация показа моих коллекций, римская жизнь. Целый день он ставил на проигрыватель только итальянскую музыку, смеялся, разыгрывал меня. «Когда ты не будешь президентом, но останешься еще молодым, что ты будешь делать? – спросила я его как-то. – Не бойшься, что тебе станет скучно?» «Нет, – ответил он, – я постараюсь, чтобы меня назначили послом в Италию».

Пик успеха Голицыной приходится на 1960-70-е годы. Причем, не ограничиваясь высокой модой от кутюр, она стала предлагать и прет-а-порте. Так называют готовую одежду, поставляемую крупными модельерами в массовое производство, она продается и в бутиках, и в крупных универсальных магазинах: «Мне всегда нравились нововведения. Свои дефиле я открывала показом купальных костюмов, добавляя к ним странного вида халаты

и головные уборы. Я никогда не завершала дефиле показом подвенечного платья, тем более что это был напрасный труд: ни одна женщина не захочет венчаться в платье, которое было публично показано».

Ее модели в любимом цвете бордо и его оттенках отличались особым стилем: популярные в Европе русские мотивы переплетались в них не только с итальянскими, но и с кавказскими. Их основной чертой критики признавали, «классическую элегантность и сохранившийся навсегда дух аристократизма». Ирен снималась в фильмах, выпустила три линии духов, создавала наборы посуды. Но предсказание пословицы «от сумы и от тюрьмы не зарекайся» не обошло и ее. Ирен два раза арестовывали за банкротство – муж, как истинный аристократ, проматывал их общее состояние. После второго банкротства в 1990 году марку Голицыной покупает общество «Ксинес», которым руководит жена племянника Сильвио Медичи.

Но Ирен сохраняет «контроль над производством, начиная с творческой фазы, и не только в отношении одежды, но и по всем «лицензиям», число которых со временем увеличилось: от линии престижных покрывал и пледов до домашнего белья, от линии бижутерии до кожаных изделий, купальных костюмов, зонтов, очков, трикотажа, элегантных костюмов для коктейля, подве-

нечных платьев и спортивных меховых изделий, и, наконец, от линии плащей и жакетов для женщин до изделий из фарфора».

Когда ее спрашивали (и не раз), почему бы ей не съездить в Россию, она неизменно отвечала: «Никогда я не поеду в Советский Союз туристкой. Я ступлю на эту землю только тогда, когда меня официально пригласят, признав мои профессиональные качества». Так и происходит. Впервые она появляется в Москве и Ленинграде в 1988 году. Потом приезжает еще, организует выставки, консультирует, недалеко от Красной площади открывается бутик с ее работами...

Представительница русского аристократического рода, родившаяся в Грузии, научившая весь мир одеваться с итальянским шиком, незадолго до кончины в 2006-м появилась на своей последней и самой роскошной выставке. Ее организовала фирма «Ксинес» в центре Рима, близ собора Святого Павла. Спустя несколько месяцев Ирен отпели в русской церкви, в которой она когда-то венчалась с Сильвио.

А в итальянской Википедии Голицына значится как «грузинская стилистка» – итальянцы определяют национальность по географическому месту рождения.

ЗАКОН ВЕЧНОСТИ ДИНЫ РУБИНОЙ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Дина Рубина – не частый гость в Грузии. Поэтому горячие поклонники ее творчества поспешили на вечер знаменитой писательницы в Тбилиси – с книгами для автографов, букетами цветов, записками-вопросами и... открытыми душами, ведь кто есть писатель, если не лекарь душ человеческих? И эта удивительная женщина с глубокими, как море, глазами, голосом, уносящим в ностальгическое прошлое, своей пронзительной прозой и ярким чувством юмора, подарила грузинским читателям прекрасный вечер. А нам повезло вдвойне. Ведь Дина Ильинична выкроила время и для интервью.

– Однажды в Тбилиси на фестивале книг продавщица книжного магазина протянула мне вашу книгу и сказала: «Очень советую. Прекрасно пишет. Вы знаете, она просыпается каждое утро в 6 часов и пишет, пишет, пишет. Очень продуктивная писательница». Так началось мое знакомство с вашим творчеством. А как

вы сами познакомились с Грузией? И есть ли доля правды в словах той продавщицы?

– Продуктивная, хм... Не самый большой комплимент писателю. Что касается остального... Понимаете, я выросла в Ташкенте в очень пестром, многонациональном городе. Общество было благодатное и щедрое для юной души, широкое, приемистое для

всех. Само собой, и грузинская община в городе была. В классе у нас учились два мальчика-грузина. Мы просто не задумывались о том, кто есть кто. Потом, уже в Израиле, я столкнулась с общиной грузинских евреев, которые, в отличие от выходцев из других стран, всегда очень любяще и нежно вспоминали свою родину. Мне сначала даже казалось странным: если вам было там так хорошо, зачем вы уехали? Они отвечали: мы уехали от советской власти! И правда, в основном грузинские евреи приезжали в 70-е годы. Но вот, во что я всегда была влюблена: в грузинское хоровое пение! Я и дома его слушаю, всегда со слезами на глазах, и описала его в рассказе «Адам и Мирьям». С детства обожаю грузинское кино, это какая-то особенная высота, отдельная своеобразная вершина в мировом кинематографе, в чем-то приближенная к фильмам моего любимого Феллини. «Не горюй!» – совершенно волшебный, бессмертный фильм, много раз его смотрела. Люблю стихи грузинских поэтов. Правда, и переводчики там не слабые, один Пастернак чего стоит! Хотя, мне кажется, лучшие переводы делал Натан Баазов. И, напоследок – как без этого, и я не оригинальна – грузинская национальная кухня, которую я ищу всюду... после узбекской. Ресторан «Кенгуру» в Иерусалиме – наиболее часто мною посещаемый. Также мною описанный...

– Вы как-то говорили, что, когда пишете, идет какая-то энергия прямо из живота – «у меня резоны, из живота идущие». А где рождаются ваши герои – в подсознании, уме, памяти?

– Ну, это огромная, бесконечная тема. Подробнее всего я написала об этом в книге про писательское ремесло – «Одинокий пишущий человек». Герои приходят по-разному. Иногда их разыскиваешь днем с огнем, а иногда они выскакивают перед тобой, как черт из табакерки. Бывали случаи, когда, увидев человека или услышав его разговор с кем-то, я бросала свои дела и шла за ним долго, долго... Рассматривала походку, жесты. Поймите: все можно придумать, и писатель

наточен на «придумывание», ибо это его профессия. Но дары, которые нам выкатывает жизнь, всегда бесценны.

– Есть ли у вас какие-то интересные воспоминания, связанные с Грузией? Что первое приходит в голову?

– Первое? Героиню своей первой повести «Когда же пойдет снег?», которую я написала в девятнадцать лет в Ташкенте, зовут Нино, и она грузинка. Почему? Сейчас уже не вспомнить. Но это факт. Спектакль по этой повести был поставлен в Московском ТЮЗе и шел пятнадцать лет без перерыва. Повесть была экранизирована, многожды прочитана на радио, переведена на кучу языков... Видимо, во мне сидела какая-то подсознательная симпатия к стране и народу. А еще – давным-давно, лет 50 назад, мне пришло письмо из Тбилиси от юноши, грузина, который прочитал мой рассказ в журнале «Юность» и откликнулся... Мы какое-то время переписывались, потом потеряли друг друга, потом снова нашли... Это замечательный писатель Михаил Гиголашвили, с которым мы дружим много лет.

– Как-то французский писатель Эрик-Эммануэль Шмитт сказал мне, что написание романа сродни рождению ребенка. Зачатие, вынашивание, думы, мысли, работа, работа, а потом роды. Ты даришь новую жизнь миру и освобождаешься. А с чем вы сравниваете этот процесс?

– Согласна: это очень похоже

На встрече в Тбилиси

на некий биологический процесс. В том числе, на беременность и роды. А вообще, я мечтаю когда-нибудь написать книгу о снах и их проникновении в творчество. О болезнях и их влиянии на творчество, о предчувствиях и их воплощении в творчестве. В конце концов, творчество – это чуть ли не единственная область деятельности человека, в которой сопряжены работа ума, чувств, памяти, природного дарования и... предчувствия, самой таинственной вещи на свете. Вспомните фразу Фрейда: «Перед проблемой писательского творчества психоанализ слагает оружие».

– А у вас есть любимое дитя-книга? Или все дети любимы?

– Каждая книга любима тогда, когда она пишется. Когда она катится по рельсам воображения, сначала медленно, в гору, потом все быстрее, быстрее. Потом мчится, опасно кренясь на поворотах, и, наконец, воплощается – в обложке! Но, конечно, на этом долгом пути создания своей вселенной выстраивается такой очень личный, мысленный список планет – книг, за которые никогда не стыдно, что бы с тобой и с ними ни произошло. У меня он тоже есть. Но я промолчу, ладно? Порой мои вкусы не совпадают с читательскими. Мне бы не хотелось никого смущать.

– Опишите идеальный день Дины Рубиной – для отдыха, для себя. Каковы они, ваша гармония, ваше спокойствие, ваше внутреннее море?

– О, нет, «идеальный день»

и «отдых» для меня совершенно взаимоотталкиваемые вещи. Идеальный день – это работа, желательно, с утра до вечера. Но это еще и удачная работа. Бывает и неудачный, трудный, длинный день, бывает и выброшенный напрочь целый рабочий день. Так что, идеально – это хорошо отработать, достичь своей ежедневной цели, а вечером можно устать и лечь на экран, где крутится детектив, не вполне понимая – что происходит. Это почему-то очищает все пять чувств для завтрашней работы. А можно просто поваляться в постель с тем же детективом в руках. Действует примерно так же. Важно наутро подняться пригодной для нового дня. Гармония – это как раз череда таких дней, длинная череда, когда накапливается ровная рабочая тяга, когда мир как бы остается за окном и не терзает тебя новостями и катаклизмами. Когда мир плавно перетекает в мир книги. И это – гармония, внутреннее море, внутреннее небо. Идеальное время жизни. В жизни реальной, увы, такое случается совсем не часто.

– Вы верите в астрологию, в гадания. А верите, что ваша судьба предопределена?

– Ну, не так сразу и не так прямолинейно: «верите». Я просто осторожно плыву навстречу любому необъяснимому явлению, не напирая на него, не пытаюсь расковырять тонкую пленку этого мира, разобрать его на части и воскликнуть: верю! Я допускаю, приглядываюсь, доверяю собственным ощущениям, собственным глазам и выводам...

А это совсем другое дело. На днях со мной произошел странный случай: я сидела, работала и услышала, как в соседней комнате что-то странно щелкает и шуршит. Пошла посмотреть. По спалне металась и билась о стекло окна птичка колибри. Моя собака, ошалев, наблюдала за этими зигзагами. Я, разумеется, немедленно распахнула дверь на балкон и выпустила кроху. Вопрос в другом: все двери и окна у нас в квартире защищены сетками. Как птичка попала внутрь квартиры?

– И правда, как?.. А если перелистать страницы прошлого, был ли шанс у 16-летней Дины Рубиной, повесть которой опубликовали в «Юности», вы брать не писательский путь?

– Это надо спросить у судьбы, а она вариантами не разбрасывается. Но в отрочестве я отлично лепила, вероятно, могла стать скульптором. И все же, я закончила консерваторию, могла бы просто вдалбливать в головы учеников каноны игры на фортепиано... Ну, и наконец, я неплохая актриса – тоже вполне себе профессия... Однако не думаю, чтобы мой ангел-охранник пустил меня гулять в другой тюремный двор. Он у меня весьма строгий тип.

– Вы верите в терапевтический эффект книг в современном мире? Зачем сейчас люди читают книги?

– Всегда и всюду люди читали книги по самым разным причинам, ибо люди, слава богам, все очень разные, и разное в книгах ищут, и разное из них добывают. В том числе, и облегчение, в том числе, и просто сведения по интересующим их вопросам, в том числе, и из чистого удовольствия, смакуя слова, способ написания фразы, атмосферу прозы того или иного писателя...

– Как вы относитесь к людям, которые не читают книг?

– Кстати, люди, которые книг не читают, все эти составляющие сведений о мире добывают иным путем. И вовсе не обязательно, что это тупые монстры. Это могут быть гениальные шахматисты, гениальные музыканты, гениальные художники. Есть много путей постижения мира.

– А вы сами много читаете?

– Разумеется, я читаю много. И в рабочем порядке, в фарватере новой книги, и просто, чтобы отдохнуть, и смакуя какую-нибудь новую книгу замечательно писателя.

– Нодар Думбадзе писал, что закон вечности заключается в том, «люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обессмертить души друг друга: вы мою, я – другого, другой – третьего, и так далее до бесконечности... Дабы смерть человека не обрекала нас на одиночество в

жизни». Каков закон вечности от Дины Рубиной?

– У нас в Ташкенте, в театре имени Горького, много лет шла знаменитая пьеса Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион». Я смотрела ее раз пять. Дело не в игре актеров и даже не в прямом тексте. Эта вещь была окутана атмосферой разговора душ между собой, понимаете? Потом я уже поняла, что творческая манера Думбадзе очень родственна моему собственному литературному стилю. Сейчас, слушая отрывок, который вы привели, я прослезилась. Как точно, как проникновенно точно! Что касается меня, мне легко верить в вечность путешествия человеческой души, в великую дорогу нашего ДНК. Я верю, ибо вижу. Когда моя внучка дергает плечом, как я, и на каждое предложение прежде всего отвечает, как и я, «нет!» – та самая вечность просто встает у меня перед глазами.

– И напоследок: не отказались бы от Нобелевской премии по литературе? Такие высоты мелькают на горизонте ваших творческих амбиций?

– Ну что вы, разве это высоты – Нобелевская премия? Возможно, в области научной деятельности – да. Что касается литературы – это премия очень политизированная, вымученная, специально ориентированная на поощрение отдельных социальных, тоже вымученных идей. Ее не получили ни Толстой, ни Набоков. Величайший писатель XX столетия Хорхе Луис Борхес ее не получил! Зато ее получил Кнут Гамсун, омерзительный нацист, подаривший свою медаль и эту премию Геббельсу. Ее получил убийца и людоед Ясир Арафат. А лауреат литературной премии за нынешний год Анни Эрнэ – отъявленная антисемитка. О чем тут говорить! Вы помните имена всех этих кенийских, угандийских, южноафриканских, канадских и прочих писательниц, получивших нобелевку за минувшие годы? Нет, премии, конечно, штука приятная, и я – лауреат нескольких радующих меня премий, но лучший комплимент моей книге я прочитала в записке из зала: «Если б вы знали, как вас любят в московском зоопарке!»

Базар в Тифлисе. Гравюра 1847 г.

ТИФЛИССКИЕ БАЗАРЫ

■ Отар ТУРАБЕЛИДЗЕ

Перевод К. Мгебришвили

«Безере», или «базар», – персидское слово, обозначающее место, где происходит купля-продажа. Тифлиссский базар по своему устройству был почти идентичен персидскому, созданному в Иране указом шаха Аббаса. И термины, связанные с базаром, исходя из исторического контекста, имеют персидские и, частично, турецкие корни.

Сведения о тифлиссских базарах сохранились в исторических источниках и сочинениях различных путешественников. Например, древнегреческий географ и историк Страбон, путешествуя по Колхиде в I веке н.э., посетил и Восточную

Грузию. Он создал фундаментальный труд «География» в 17-ти книгах, 11-я из которых целиком посвящена Кавказу. В ней Страбон упоминает территорию, которая ныне является Навтлугским базаром, и пишет, что «в Иберии очень развита торговля, здесь успешно продают лен, коноплю и керосин».

Интересные сведения содержит книга «Чудеса мира», написанная неизвестным автором XIII века на персидском языке. В ней сообщается, что в XI-XIII веках на тифлиссском базаре в больших количествах продавали мед, жареные сладости, фрукты, вино, свинину, говядину, мясо птицы и разнообразную рыбу, пойманную в Куре. В XIII веке в Грузии уже знали о существовании сахара, но он стоил дорого и не мог

составить конкуренцию дешевому меду. По мнению автора, такое изобилие меда свидетельствовало: много горожан занималось пчеловодством.

Интересное описание рынков Старого города оставил французский ученый и путешественник Жозеф Турнефор, который странствовал по Турции и Армении, а затем приехал в Тифлис. Он стал первым серьезным ученым-ботаником, который начал изучать флору Грузии. Турнефор написал об обилии фруктов и овощей на столичных базарах, подчеркнув многообразие сортов сливы, и особо отметил, что в Тифлисе продается лучшая груша из всех, которые он когда-либо встречал.

По свидетельству немецкого натуралиста, доктора меди-

цины, путешественника XVIII века Иоганна Гюльденштедта, на тифлиских базарах тех времен продавались хлеб, вино, водка, рис, топленое масло, сахар, засахаренный миндаль, грецкий орех, оливки, дорогостоящая рыба из озера Севан – ишхан, а также икра. Здесь можно было купить и пряности: гвоздику, корицу, тмин и другие специи.

На стыке XVII-XVIII веков Вахушти Багратиони, сын царя Вахтанга VI, первый отечественный картограф и географ, в своих трудах упоминает Татарский базар (на Мейдане) и базар у Метехского моста. Однако, самым важным местом были торговые ряды в верхней части сегодняшней улицы Котэ Абхазы (бывшая улица Леселидзе), называемые Средним базаром, который позднее стали именовать Армянским – в том районе жило много армян. На Армянском базаре можно было купить все, и, как правило, из первых рук, потому что многие мастера жили здесь же и использовали свои дома как мастерские. На базаре были выделены специальные места для ослов, лошадей, верблюдов, и существовала площадь, где их кормили сеном и поили водой. В конце XVIII века и в начале XIX века помимо торговых рядов здесь же находились духаны, хашные, ашпашаны («аш» означает суп, «паш» – человек, который варит, «хана» – дом), т.е. место, где готовили супы.

В XVII веке при правлении Ростом Багратиона, царя Картли, царский дворец из крепости Нарикала переместился на нынешнюю площадь Ираклия II, потому-то и стали называть этот район Царским. К сожалению, дворец был стерт с лица земли во время набегов Ага-Магомед хана. На территории, прилегающей ко дворцу Ростом-хана, были лавки бакалейщиков, духаны и ашпашаны, тут собирались торговцы, путешественники, гости столицы. Царский район был местом получения и распространения информации, потому его и прозвали «салакбо» (место для

Солдатский базар

болтовни). Естественно, в те времена уже существовали газеты, но у новости, полученной посредством «живой» коммуникации, был больший «вес». Говоря современным языком, для тифлисцев это была «биржа».

Путешественники свидетельствовали: здесь можно было заказать любой дефицитный товар, не доступный в городе, и на следующий день получить его на руки. Вся обширная территория от Царского района до Мейдана была центром торговли. А еще один важный рынок со множеством торговых объектов – Раста-базар («раста» – торговые лотки, расположенные в ряд) находился на нынешней площади Ираклия II между соборами Сиони и Анчисхати. На нем запрещалось продавать смешанные товары, т.е. в каждом торговом ряду продавалось что-то строго определенное. Замыкался он четырехугольным Чорсу-базаром (от персидского «чар» – «четыре»), где торговали и продуктами, и различными мелочами. Там находились базазханы (магазины тканей) и ювелирные мастерские.

Некоторые улицы Старого

города по сей день сохранили прежние названия торговых рядов: Бамбис Риги (Мануфактурный, или Ватный ряд), Ркинис Риги (Железный ряд), Самгебро (Красильная улица), Верцхлис куча (Серебряная улица)...

Майдан – лицо Старого города, а Метехский мост – очень важное место. Недалеко от этого моста находился самый большой городской рынок – Татарский базар. Есть сведения, что за день там собиралось до 20-ти тысяч человек. Кстати, первоначально это место перед Метехской крепостью называлось Цихис моедани (Крепостная площадь). Но после того, как персы завоевали крепость, жители переименовали площадь в Татарскую. Грузины всех завоевателей называли татарами.

На Татарском базаре можно было встретить торговцев, заплутавших странников, мошенников, карманников, каторжников, девиц легкого по-

ведения. По дороге от Хлебной площади к серным баням стояло много домов терпимости, откуда дамы очень часто выходили «на охоту». Когда они не могли завлечь клиента, то сдирали с него шапку и закидывали ее в бордель. Но мужчины боялись заходить за шапкой – их могли ограбить или убить. Так и появилась поговорка: «Не зайдет, даже если шапку закинешь».

Отдельная тема – дешевизна на столичных рынках. Например, один фунт (чуть меньше килограмма) свинины стоил 2 копейки, фунт баранины – 5 копеек, говядины – 4 копейки, один пуд (16,38 кг, или 40 фунтов) свежего сыра можно было купить за 1 рубль, фунт меда – за 10 копеек, сметану – за 8 копеек, сливочное масло – за 30 копеек. В середине XIX века покупать хлеб на базаре считалось у тифлисцев постыдным делом – в каждом дворе была своя пекарня, и горожане сами пекли хлеб.

Еще один базар, Солдатский, находился на бывшей Колхозной площади – сегодняшней площади Орбелиани, там, где сейчас расположен большой торговый центр «Карфур». Он появился в 1876 году, на нем торговали фруктами, овощами и мясом. А в выходные дни там проходила ярмарка, на которую солдаты местного гарнизона привозили на продажу одежду, обувь и даже мебель собственного изготовления. Отсюда и пошло название базара, в разное время его также называли Русским.

Один из самых знаменитых городских базаров Тбилиси – Дезертирский. В 1920-е годы здесь, возле вокзала, дезертиры торговали одеждой, оружием и краденными вещами. Со временем рыночная площадь расширилась, дезертиров сменили крестьяне, привозившие на продажу свои продукты. А название из прошлого так и осталось. Самый крупный и посещаемый тбилисский базар разрушили в 2007 году. Правда, обновленный рынок существует уже достаточно долго, но его окончательная реставрация пока не завершена.

В Тбилиси издавна существовал культ похода на базар. По воскресеньям туда отправлялась вся семья. Люди шли к «своим» мацонщикам, мясникам, зеленщикам и покупали товар только у них. Таким образом, покупатель был уверен, что принесет домой продукты наилучшего качества. Феномен притягательности базара изучали философы, экономисты, литераторы, историографы. В итоге исследователи пришли к выводу: сила притяжения базара заключается в коммуникации – отношениях, основанных на доверии. И хотя сегодня в Тбилиси огромное количество крупных продовольственных магазинов, многие до сих пор предпочитают ходить за продуктами на базар.

«МЫ ЖИВЫ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА СПОСОБНЫ ЛЮБИТЬ...»

— Екатерина МИНАСЯ

Линия сердца взметнулась в зигзаг. Узор, что нарисовался на экране кардиографа, показался резким и каким-то нервным. Как ария, пропетая фальцетом. Или этюд, написанный дрожащей рукой. Потом линия взлетела еще раз и еще... И, наконец, выпрямилась. Аппарат запищал непрерывным звуком. Наступила смерть... С нее-то и начинается остросюжетная драма «Лучшее, чего у меня нет». Точнее, начинается она с того, как одним тбилисским утром молодой мужчина получает письмо от друга. Это в век-то цифровых технологий! И все бы ничего, но письмо – от покойного друга. Причем, от самого близкого и любимого. На человека находит оцепенение. Друга нет в живых, он знает это совершенно точно. А, значит, и письмо – не более чем ошибка, чей-то чудовищный розыгрыш, – пытается он себя уверить. Но нечто необъяснимое в этом письме все же заставляет задуматься и допустить обратное. И не просто допустить, но и отправиться по указанному в письме адресам, встретиться с людьми и выполнить поручения друга. Путь, в который отправляется герой произведения в надежде встретиться со своим другом, оказывается полон загадок, открытий и разочарований. А главный во-

прос, на который он пытается найти ответ – жив ли его друг? – остается открытым до финала.

Ради чего человек может захотеть вернуться в эту жизнь после смерти? Да ради чего угодно! Ради летнего дождя и зимней стужи, запаха скошенной травы и соленого моря. И ради любви... Он может вернуться единственно ради того, чтобы еще раз признаться любимым людям, насколько они были ему дороги, как много для него значили.

«Я бы вернулась в этот мир, чтобы обнять любимых людей», – говорит автор романа «Лучшее, чего у меня нет», написанного на русском языке в жанре магического реализма, Анастасия Хатиашвили.

Настя похожа чем-то на лодку, которая дрейфует в океане грез и мечтаний в гордом одиночестве. И в какую бы акваторию ни занес ее вольный ветер, и с кем бы она ни оказалась в компании, плавать она все равно будет сама по себе, особняком. И это одиночество – органично и естественно. Впрочем, одиночество – обычное для творчества состояние. А Настя – творческий человек. Она работает журналистом, играет на сцене любительского театра, пишет стихи, переводит современную грузинскую прозу и поэзию на

русский язык. Из недавних переводов – «Гурийские дневники» Георгия Кекелидзе.

СТРАСТНАЯ ПРОФЕССИЯ

Мы сидим в кафе, интерьер которого можно легко принять за убранство какого-нибудь домика из французского предместья. Круглые столики с вязанными крючком скатертями, старинные абажуры, нависшие над столами, и глубокие кресла. Так могло выглядеть жилище буржуа на стыке веков, когда романтическое XIX столетие благородно уступало место веку радикальных перемен. Впрочем, домик с такой обстановкой легко представить в любой европейской провинции. Но эта уютная кафешка находится в историческом районе Тбилиси. Действие романа Анастасии могло бы разворачиваться в любой стране мира, поскольку сюжет его универсален, без привязок ко времени, месту или традициям определенной страны, но автор поместил персонажей именно в грузинскую реальность.

– Я очень люблю Грузию во всех ее проявлениях, и мне хотелось это показать, – рассказывает Анастасия. – Не говорю, что никогда не заманусь на другую реальность. Но пока источником вдохновения для меня является Грузия. И эта история – грузинская. Может, именно поэтому она вызвала такую симпатию вначале у российского режиссера Эдуарда Оганесяна, который родом из Грузии, а потом у известного актера Данилы Козловского. Студия «DK Entertainment» Козловского проводила конкурс на лучший сценарий. И сценарий, написанный мной по роману, вошел, можно сказать, в шорт-лист конкурса. Данила позже написал, что сценарий группой очень понравился. Но они искали материал для игрового кино, для блокбастера, а мой, как мне объяснили, предназначен для авторского фильма. Но они пригласили меня работать в их московской студии сценаристом. Пришлось ответить, что это, увы, неосуществимо... Для начинающего писателя важно

На встрече с читателями

одерживать такие маленькие победы, чтобы идти вперед. Писатели – люди сомневающиеся. Им необходима обратная связь. Причем, как в писательстве, так и в журналистике.

Изначально я собиралась поступать на факультет английского языка и литературы, готовилась к экзаменам. А потом мама вдруг говорит: «Доча, ты же любишь писать. Почему бы тебе не поступить на журналистику?» Я задумалась. Мама, действительно, была права. И я выбрала журналистику. Кстати, я единственная со всего курса работаю по профессии. Работаю с момента окончания вуза. То есть почти 15 лет.

– У тебя накопился солидный опыт: работа в печатных изданиях, на телевидении, в международных информационных агентствах.

– Да, это так. Вообще, журналистика подарила мне многое. Это и безумный ритм жизни, когда держишь руку на пульсе жизни буквально 24

часа в сутки, и каждодневная работа над собой, и постоянная учеба, и ежедневные открытия чего-то нового, и знакомства со множеством талантливых людей, и полное погружение в мир искусства... И еще куча бонусов в виде, например, встреч и бесед с живыми легендами: Вахтангом Кикабидзе, Нани Бреговдзе, Робертом Стуруа, Николаем Цискаридзе, Олегом Басилашвили, Римасом Туминасом, Геннадием Хазановым, Сергеем Маковецким, Максимом Сухановым и многими другими. Иногда работа плавно перетекает в дружбу. Вот, к примеру, нашего общения с Николаем Максимовичем Цискаридзе накопилось на целую книгу «Разговоры с Цискаридзе», об издании которой я уже подумываю. Я очень дорожу возможностью поговорить с такими людьми, прикоснуться к их миру, почерпнуть их профессиональный и жизненный опыт, через их истории и мировоззрение увидеть многое по-другому, по-новому, через другую призму.

– Не работа, а мечта...

– А ведь если мои дети скажут, что хотят выбрать журналистику в качестве будущей профессии, я попытаюсь их отговорить. В этом деле ты должен каждый день превосходить сам себя, быть объективным в суждениях и оценках, справедливым, стремиться к добру, быть примером для других. И все это – на фоне жесткой конкуренции, постоянного саморазвития, вечной гонки: успеть, обогнать, быть первым. Жить и работать в таком темпе непросто. И еще, можно сказать с полной уверенностью, что журналистика – это еще и страсть.

«ПОСЛЕ ВОЙНЫ МЫ ПОВЗРОСЛЕЕМ»

Мы сидим за маленьким столиком в кафе. Над ним окно, во всю ширину которого протянуто украинское знамя. Настя очень остро переживает происходящее и признается, что первые месяцы провела на успокоительных.

– Сегодня принято говорить, что мир больше никогда не будет таким, каким был до войны...

– На наш век выпало много войн, испытаний и бед. Мое детство выпало на 90-е. Родители продавали из дома все, что можно было продать, лишь бы выручить деньги на еду. Помню, сижу дома, очень хочется есть, а мама говорит – у нас ничего нет... Мы нарезали лук, налили масла, макали в него хлеб и ели. Я запомнила это на всю жизнь... Война дает нам опыт, открывает кто враг, кто друг. Не все проявляют себя с хорошей стороны во время войны. Во многих обнажается самое скверное. Но я не могу отрезать от себя всех, с кем хоть в чем-то не согласна. Приходится сосуществовать, жить рядом и даже общаться. Такая жизнь. Поэтому стараюсь не очаровываться, чтобы потом не разочаровываться. И очень редко негодую. Думаю, после войны мы все повзрослеем, станем мудрее...

– Спасает ли искусство в лихие времена?

– Говорят, история человечества – это история войн. Но это и история гениев: Леонардо, Моцарт, Бетховен, Пикассо... Где-то громыхали пушки, а люди создавали такую кра-

соту, которой мы восхищаемся и много веков спустя. Ты можешь замечать злобу и ненависть войны, но по другую сторону – замечать и прекрасное. Это параллельные миры. Точно так же сосуществуют творческий астрал и рефлексия на ужас происходящего. В местах их пересечения и рождается произведение искусства.

«Я ЖИВУ В СВОЕМ ВЫДУМАННОМ МИРЕ»

Если тебе не нравится мир, в котором ты живешь, создай свой, альтернативный. Нет иного способа противостояния жестокому миру, в котором приходится существовать, как уход в параллельный, в тот кокон, который ты свил. Причем, творчество можно тоже считать одной из форм эскапизма. У каждого человека – свой островок.

– Я недавно задумалась, насколько одиночество естественно и неизбежно: человек рождается один и умирает один. Люблю одиночество. Может, даже и живу в каком-то своем выдуманном мире. Нет, не в плохом смысле. Даже самый близкий человек относится ко мне, как к отдельной планете. Но я всегда была такой – в детстве, юности... По-

ощущениям, такой же и осталась. У меня семья, четверо моих ангелов. Когда они подходят и целуют меня, у меня вырастают крылья. Родители, муж очень гордятся мной. Для папы я вообще – цветочек на ладони. И я каждый день ощущаю их любовь, заботу, поддержку и глубоко им за это благодарна. Наверное, если бы не они, я бы не стала той, кто я есть, и не делала бы того, что хочу и делаю. Да, у меня характер не гладкий, и, если я чего-то хочу, то сделаю все. Поэтому для меня важно, когда меня принимают такой, какая я есть. Но близкие порой хотят уберечь от трудностей, подстелить соломку, а я говорю – хочу, и все. Вот никто не понимает, для чего я учу французский? Зачем трачу четыре часа в неделю на изучение этого языка? Но мне очень хочется. То же самое с театром. Мало кто понимал мое желание им заниматься. Те ощущения, которые я получала на сцене, ни с чем не сравнятся. Я теперь хорошо понимаю актеров, которые не могут жить без сцены.

– Как ты в себе обнаружила этот талант?

– С детства участвовала во всех школьных спектаклях, и мне часто доставались главные роли. В театральную студию

Анастасия Хатишвили

пришла вместе со знакомой, прошла кастинг, и меня пригласили в любительский экспериментальный театр – Tilde Theatre. Я играла в спектаклях «Я была в доме и ждала» Жан-Люка Лагарса, «8 женщин» Робера Тома, «Либертин» Эрика-Эмманюэля Шмитта. А потом режиссер Оксана Чадаева предложила мне роль в моноспектакле моей мечты – пьесе Жана Кокто «Равнодушный красавец». Кокто написал эту пьесу в 1940 году для Эдит Пиаф. В самом конце жизни Эдит познакомилась с Теофанисом Ламбукисом. Потомок греческих эмигрантов преклонялся перед великой певицей, он был младше ее на 20 лет. Пиаф содействовала его карьерному росту. Это история о том, на что способна женщина ради любви. Я репетировала и плакала. Может, когда-нибудь мне все же удастся это сыграть...

– Чем тебе близка пьеса?

– Героиня полностью отдается любви. И может быть смешной и жалкой. В этом есть обреченность. Но мы живы до тех пор, пока способны любить.

«ДЖЕЙН ЭЙР» МЕЖДУ СХВАТКАМИ

Сохранить себя и найти силы творить в непростые времена бывает непросто. Кого-то возбуждают деньги, власть. А Настину воображение будоражат искусство, талант и человеческий гений.

– Бывает, пообщаешься с неординарным человеком полчаса и целый день летаешь. Впечатляют театральная постановка, природой, оригинальными вещами. Отведу детей в школу, а по дороге замечу дерево с живописным абстрактным веток или забавную надпись над старым окном. Из этого складывается настроение, приходит вдохновение. Красота – везде, ее только нужно уметь разглядеть. Папа говорит, что я во всем вижу красивое. Но если в жизни замечать только гадкое, негативное, ты и сам таким станешь. Жизнь – такая яркая и красивая. Надо выхватывать ее яркие моменты.

– С какой литературной героиней ты себя ассоциируешь?

– С Джейн Эйр. Я была беременна первым ребенком. У меня начались схватки. А я лежала и читала Шарлотту Бронте. Считала промежутки между схватками, ждала учащения и читала книгу. Муж просыпается в шесть утра, видит, что происходит, и говорит: «Тебе в роддом бежать нужно, а не «Джейн Эйр» читать». Поехала рожать. А после родов написала мужу: «Пришли мне, пожалуйста, книгу, я ее дочитаю». И фильм по этой книге могу смотреть бесконечно.

– А какую музыку ты можешь назвать музыкой твоей жизни?

– Брамса. Раньше был Брамс. Я его очень люблю. Под «Венгерский танец» я танцевала еще в детском саду. А в последнее время – мелодии итальянского композитора и пианиста Людовико Эйнауди, особенно, его композиция «Exregence». Его музыка – как осень жизни, с постукивающим в окна дождем и падающими листьями, когда все самое лучшее и самое важное только начинается...

«ЗВЕЗДЫ СМЕРТИ СТОЯЛИ НАД НАМИ...»

Владимир ГОЛОВИН

Уходящий год отмечен печально памятной датой – 85 лет назад в самом разгаре был период, который историки называют термином «Большой террор», а миллионы людей на 1/6 части суши – словосочетанием, ставшим символом кошмара: «37-й год». На самом деле, стоящие за этими определениями самые массовые политические репрессии советской власти длились больше года – 17 месяцев. В Грузии были репрессированы 29 051 человек. Из них расстреляны 14 372, остальных отправили в лагеря. То есть, за время Большого террора в среднем расстреливали по 845 человек в месяц, по 28 человек в день. А по отношению ко всему населению доля репрессированных в Грузии составила 0,09%, и это в 4,5 раза (!) выше, чем в среднем по Советскому Союзу. Конечно, репрессии в СССР были и до, и после этого, но Большой террор – самый кровавый.

В СССР он начался в 1937 году с июльского приказа НКВД СССР № 0044 за подписью народного комиссара внутренних дел Николая Ежова, а закончился в ноябре 1938-го после ареста этого наркома. И Грузия,

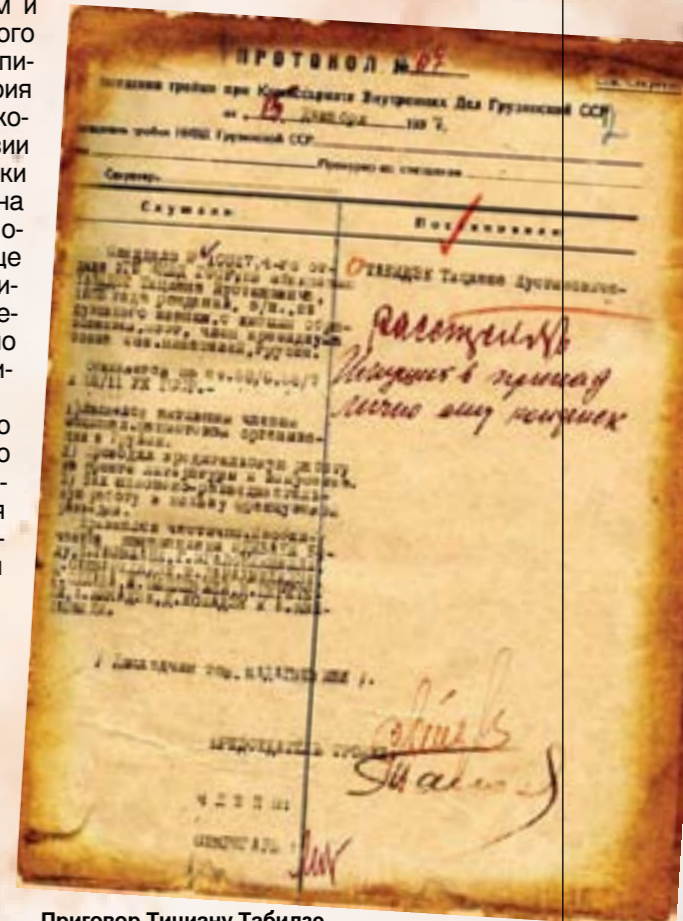
которой тогда руководил Лаврентий Берия, оказалась на третьем месте в СССР после Москвы с Подмосковьем и Украины по числу тех, кого уничтожили только по спискам, подписанным Берия и его соратником, наркомом внутренних дел Грузии Серго Гоглидзе. Эти списки отправляли в Москву на утверждение членам Политбюро ЦК ВКП(б). А еще больше людей расстреливали помимо утверждаемых Москвой списков – по приговорам «троек», трибуналов, судов.

Грузия имела и свою «специфику». Еще до Большого террора антисоветские выступления 1921-23 годов и восстание 1924-го повлекли за собой жесточайшие репрессии. «В массовых расстрелах мы немного переборщили, но с этим уже ничего не поделаешь», – открыто признавался Серго Орджоникидзе. А когда начался «бессмысленный и беспощадный» Большой террор, коммунисты припомнили и то, что происходило 20

лет назад. Из всех регионов Российской империи только в Грузии социал-демократы (меньшевики) на выборах в Учредительное собрание 1917 года получили значительное количество голосов и сумели в 1918-м создать правительство в своей стране. Поэтому обвинения в «меньшевистском прошлом» вовсю использовались для расправ с негодными людьми.

Лидером в проведении репрессий на территории СССР Грузия во многом стала еще и потому, что у нее было важное отличие от других республик. Ее органы госбезопасности не стояли над республиканским партийным лидером, а полностью были под его контролем. Руководил репрессиями первый секретарь ЦК КП(б) Грузии и Тбилисского горкома партии Лаврентий Берия. В отличие от многих его коллег, у него были прямые контакты со Сталиным и другими руководителями страны.

Вплоть до развала СССР оставались государственной тайной так называемые массовые операции НКВД в рамках Большого террора. Самой масштабной из них была «кулацкая операция»

Приговор Тициану Табидзе

хели и Дмитрий Шеварднадзе, общественные деятели Вахтанг Котетишвили и Мемед Абашидзе, основатель грузинской школы классической филологии Григорий Церетели...

А ученые Иванэ Джавахишвили, Шалва Нуцубидзе, Вукол Беридзе, Симон Каухчишвили, Нико Лордкипанидзе и многие другие представители «гнилой интеллигенции» чудом избежали уничтожения физического, но оказались в тяжелой атмосфере морально-психологической травли. Ну и, конечно, подтверждение нашли пророческие слова Жоржа Жака Дантона: «Революция пожирает свих детей». Как «враги народа» были казнены Мамия Орахелашвили, Буду Мдивани, Шалва Элиава, Лаврентий Картвелишвили, Леван Гогоберидзе, Михаил Окуджава, Михаил Кахиани, Самсон Мамулия и другие известные грузинские большевики.

Очевидец тех страшных событий историк Геронти Кикодзе писал: «Количество беспартийных осужденных было гораздо большим. Редко кто из них имел хотя бы распылчатые представления о внутрипартийной борьбе, и все они, без сомнения, лояльно исполняли свои обязанности. Многие из беспартийных граждан умерли только лишь потому, что они по какой-то причине навлекли на себя подозрение тбилисского триумвирата или его уполномоченных на местах, или потому, что какой-нибудь доносчик возжелал заполучить их квартиру или должность».

Очень часто попавших под маховик репрессий уничтожали

по абсурдным поводам. Окачивается, простая домохозяйка готовила... теракт против Берия. Заместительница начальника Главлита выпускала учебники «с контрреволюционными искажениями и с антисоветскими формулировками и иллюстрациями». Скромная студентка Субтропического института вела «активную подготовку совершения террористического акта над вождем народа тов. Сталиным». Стоматолог, работавшая на дому, «передавала сведения шпионского характера о РККА, о ее техническом вооружении». Работник торговой системы «завозил в большом количестве... неходовые и недоброкачественные товары, чтобы возбудить недовольство населения и дискредитировать советскую торговлю».

Вообще в подобных попытках озлобить народные массы чекисты любили обвинять тех, кто занимал хоть какую-то ответственную должность. Так, народный комиссар финансов для создания недовольства среди населения... закрыл городской ломбард. Технолог чайной фабрики не выпускал в производство зеленый байховый чай в интересах... японской разведки. Директор маргаринового завода паковал продукцию «в тару с повышенной влажностью, чтобы она портилась». Помощник технического директора Паровозовагоноремонтного завода в Тбилиси «создавал среди рабочих недовольство и нездоровые настроения, задерживая зарплату, вынуждая к сверхурочным работам». Заместитель управляющего автомобильного хозяйства Грузии «закрывал необходимые автомагистрали с массовым движением с целью вызова озлобления трудящихся против Соввласти»...

И самое ужасное, что все они не только признавались в невероятных злодеяниях, но еще и оговаривали таких же невинных людей. Но как было не делать этого? Прочтем лишь три документа. На протоколе допроса главы НКВД Абхазской АССР Василия Жужунава – резолюция Берия: «Крепко излупить Жужунаву: он много знает, но не говорит». Та же рука – на протоколе допроса председателя Совета народных комиссаров Грузинской ССР Германа Мгалоблишвили: «Крепко взять в работу, не

заявления брать, а допросить. Л. Б. 9.VII.37 г.». И еще – докладная Лаврентия Павловича о бывших общих соратниках, посланная Иосифу Виссарионовичу:

«...Вся эта сволочь представляла из себя чудовищное сплетение шпионов, предателей, вредителей, диверсантов, лиц с самыми разнообразными контрреволюционными взглядами и убеждениями, но объединенных звериной ненавистью к руководству ВКП(б) и гнусным желанием свергнуть Советскую власть... Герман Мгалоблишвили оказался английским шпионом... По шпионской работе Мгалоблишвили, помимо других лиц, был связан с Тухачевским, которого он лично в 1937 году информировал о состоянии контрреволюционной работы в грузинских частях Красной Армии... Пока еще молчит этот мерзавец и предатель Орахелашвили Мамия. Боимся крепко брать его в работу, т. к. каждый раз при допросе он падает в обморок, и приходится впрыскивать ему камфору. Нет сомнения, что скоро заговорит, и он... Уже расстреляно около 200 человек... Считаю, что придется расстрелять не менее 1000 человек, из числа к.р. правых, троцкистов, шпионов, диверсантов, вредителей и проч. В это число не входят бывшие кулаки и уголовники, вернувшиеся из ссылки и подлежащие расстрелу в административном порядке через тройку, созданную при НКВД Грузии...»

Арестовать могли просто по подозрению, и дополнительная проверка не проводилась – глава НКВД Гоглидзе дал указание арестовывать лишь по одному показанию. Вот и велось упрощенное следствие: достаточно было одного или двух показаний, чтобы обвинить человека во враждебной деятельности. Арестованных не знакомили с материалами следствия и не объявляли о его окончании. Несчастных не только пытали, но запугивали арестом членов семьи. И это не были пустые угрозы. Бесследно, не попадая ни в какую статистику, исчезали близкие «врагов народа», как это было с семьей отравленного руководителя Абхазии Нестора Лакоба.

Аресты были массовыми, и тюрьмы еле справлялись с поступлением очередных репрессированных. Свидетельствует вахтер-надзиратель внутренней

тюрьмы НКВД Степан Ковшов: «В 1935-1936 годах условия содержания заключенных были нормальными, арестованных было мало, их нормально кормили, они пользовались ларьком. Случаев избиения арестованных следователями не было, и не было измученных бессонницей арестованных. С конца 1936 г. или начала 1937 г. число заключенных стало увеличиваться, и в 1937 году условия их содержания стали невыносимыми, особенно когда начала работать тройка, которая судила по I категории, т.е. к расстрелу. В 1937-1938 г. тюрьма была переполнена, заключенных кормили хуже, пользование ларьком не разрешалось».

Столь «плодотворная» деятельность грузинских чекистов не осталась незамеченной в Москве – 22 самых старательных мучите-

Куры, но не хватило финансирования. И лишь в 2009 году, по просьбе родственников репрессированных, был проведен конкурс на первый подобный памятник. В выставочной галерее «Карвасла» представили 25 конкурсных работ, среди которых победил проект молодого архитектора Николоза Майсурадзе.

Теперь в Пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии на горе Мтацминда стоит символическая могильная плита, под которой никто не лежит. На ней – имена Тициана Табидзе, Михаила Джавахишвили, Сандро Ахметели, Евгения Микеладзе, Вахтанга Котетишвили, Григола Церетели, Дмитрия Шеварднадзе и Петре Оцхели. Восемь имен, за которыми – память о тысячах людей, бесследно сгинувших в тюрьмах и лагерях. Тех людей,

Символическая могильная плита в Пантеоне на Мтацминда

ля награждены орденами. Среди пятерых, отмеченных высшей наградой СССР – орденом Ленина – «за образцовое и самоотверженное выполнение важнейших заданий правительства» – нарком Гоглидзе и главный «исполнитель», то есть, всем палачам палач Захар Шашуркин.

И как печально сознавать сегодня, что Грузия – одна из тех немногих на постсоветском пространстве стран, где еще не определены места массовых захоронений жертв политических репрессий в СССР. Только в 90-х годах скульптор Сосо Парулава подготовил проект памятника невинно убиенным людям. Этот мемориал хотели установить в центре Тбилиси, на набережной

по отношению к которым чекисты четко выполняли такие инструкции, как «дезориентировать, деморализовать и морально уничтожить», «стрелять в затылок или в правый висок».

И еще это – память о тысячах сосланных. Всем им можно посвятить строки Анны Ахматовой, которая, по собственным словам, «провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде» после ареста сына:

И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти
стояли над нами...

Орточальская тюрьма в Тбилиси

Тенгиз ПАЧКОРИЯ

11 декабря 2022 года исполнилось 100 лет со дня рождения легендарного спортивного комментатора, народного артиста России, 24-кратного чемпиона СССР по теннису, заслуженного мастера спорта Николая Озерова. Он был символом спортивной журналистики для нескольких поколений бывшего СССР и стран Восточной Европы. Озеров вел репортажи с пятнадцати Олимпийских игр, тридцати чемпионатов мира по хоккею, восьми чемпионатов мира и шести чемпионатов Европы по футболу...

Озеров много раз приезжал в Грузию, вел отсюда репортажи футбольных и теннисных матчей, а до этого он не раз бывал у нас как участник проходивших в Тбилиси и Батуми чемпионатов СССР по теннису. Его помнят, ценят за мастерство, необычайный талант и прекрасные человеческие качества. Он несколько десятилетий дружил с легендарным грузинским комментатором Котэ Махарадзе, со многими выдающимися спортсменами и деятелями культуры Грузии.

Своими воспоминаниями о Николае Озерове делятся известные спортсмены и журналисты.

Нугзар Мдзинаришвили – первый теннисист из Грузии, игравший на Уимблдонском турнире (1961, 1962 гг.) и открытом чемпионате Лондона «Queen's Club», победитель и призер всесоюзных и международных турниров, во многих из которых выступал в паре с легендарным Александром Метревели. В 1958-1967 годах был членом сборной СССР. В 1981--1984-х работал главным тренером сборной Грузии, в 1986-1992 годах – главным тренером сборной Латвии. Был генеральным секретарем Федерации тенниса

Латвии, генеральным секретарем Ассоциации тенниса стран Балтии, в 1995 году в составе сборной Латвии стал бронзовым призером чемпионата Европы среди ветеранов:

«Я с детства был полностью поглощен теннисом. Это увлечение имеет семейные корни – дядя по материнской линии Эспер Мерреколь в 1937 году был чемпионом Грузии по теннису, а за 9 лет до этого в составе сборной Закавказья стал обладателем серебряной медали I Всесоюзной Спартакиады. Мой брат Леонард Мдзинаришвили

Нугзар Мдзинаришвили и Николай Озеров

Николай Озеров на чемпионате СССР по теннису в Тбилиси

прекрасно играл в теннис, был многократным чемпионом Грузии и участником всесоюзных турниров. Его большая заслуга в том, что я стал теннисистом: брат привел меня в секцию тенниса, я тренировался на кортах «Динамо» у Евгения Вермишева и Арама Хангуляна.

В 1949 году в Тбилиси впервые прошел чемпионат СССР по теннису, и мне, 6-летнему мальчику, посчастливилось подавать мячи в финальном матче между титулованными игроками Эдуардом Негребецким и Николаем Озеровым. Негребецкий был уроженцем Тбилиси, там начал свой путь в большой теннис, становился чемпионом Грузии, Закавказья и СССР, а в 1932 году переехал в Ленинград, добившись новых успехов как теннисист и как тренер. В той встрече, где победил Негребецкий, я подавал мячи ровно до того момента, пока не получил сильный удар мячом в солнечное сплетение после зейса Негребецкого. Меня заменил брат Леонард. А атакующая игра Озерова в Тбилиси отображена на фото.

Позже я еще не раз встречался с Озеровым, и несколько встреч и игр с ним на всю жизнь остались в памяти. Незабываемы его пушечные подачи с разгоном против часовой стрелки и атакующим ударом справа по восходящему мячу. Надолго запомнилась наша первая встреча на корте в 1958 году в Батуми. Озеров в рамках зонального турнира чемпионата СССР преподавал мне мастер-класс. Вот что писала тогда газета «Батумский рабочий» об этой игре: «Многочисленные зрители горячими аплодисментами встретили появление на площадке заслуженного мастера спорта, не-

однократного чемпиона страны Николая Озерова. Его противником был один из самых молодых теннисистов Грузии – 15-летний Нугзар Мдзинаришвили. В той встрече молодость была противопоставлена опыту. Победу со счетом 6:3, 6:0, 6:4 одержал Н. Озеров».

Об этой игре написал и журнал министерства образования Грузии «Мартве» – нашу фотографию сопровождал текст: «Игра завершилась. Традиционный церемониал прощания. Николай Озеров, один из гроссмейстеров советского тенниса, доволен игрой молодого партнера и выражает ему благодарность за доставленное удовольствие. Доволен был и юный Нугзар Мдзинаришвили, для которого встреча с таким известным спортсменом стала школой мастерства. Через несколько секунд соперники расстанутся и потом будут восстанавливать детали игры в своем сознании».

Через несколько лет, в начале 1963 года, я вновь стоял на

корте против Николая Озерова. На этот раз – в парном разряде открытого чемпионата Москвы, в котором он и многоопытный Сергей Андреев в полуфинале обыграли меня с Александром Метревели, а затем стали чемпионами Москвы.

С Озеровым мы переселились на теннисных турнирах еще дважды – осенью 1962 года в Риге во время чемпионата СССР и в 1964 году в Ленинграде. В последний раз мы виделись с ним в 1992 году. В Москве проходил «Кубок Кремля», я был там в ранге генерального секретаря Федерации тенниса Латвии и участвовал в заседании Европейской теннисной ассоциации. Во время турнира, находясь на трибуне, я увидел в одном из проходов Николая Николаевича: он наблюдал за игрой, сидя в инвалидной коляске. У меня защемило сердце. Я спустился к нему, мы тепло приветствовали друг друга, и у нас состоялся такой разговор:

– Нугзар, дорогой! Вот видишь, как я смотрю теперь теннис. Как поживаешь?

– Спасибо, Николай Николаевич, хорошо. Я живу в Риге, работаю тренером, приехал посмотреть турнир. Мы с женой часто вспоминаем, как вы помогли нам, молодоженам, устроиться в одну из московских гостиниц. И как вы были дружелюбны, когда во время легкоатлетического матча СССР-США провели меня через комментаторскую кабинку на арену Лужников.

– А я вспоминаю, как за атакующую игру на зимнем чемпионате СССР в Северодонецке в 1962 году тебя прозвали «летающим теннисистом» и «Гагаринным». И я в прямом эфире взял у тебя интервью для Всесоюзно-

Виктор Набутов, Николай Озеров, Борис Пайчадзе

С Котэ Махарадзе

го радио...
 Надо добавить, что фраза Озерова «Нугзар Мдзинаришвили – летающий человек!» принесла мне большую известность. Тогда, в 1962 году, на следующий год после полета Юрия Гагарина, было принято всех талантливых людей сравнивать с ним, отсюда и определение «летающий человек».

Муртаз Хурцилава – футболист, вице-чемпион Европы и бронзовый призер Олимпийских Игр 1972 года, бронзовый медалист чемпионата мира 1966 года, капитан тбилисского «Динамо» в 1970-1975 годах и сборной СССР в 1972-74-м.

«В конце 1960-х-начале 1970-х годов Николай Николаевич не раз приезжал на базу в Новогорск, где футбольная сборная СССР проходила подготовку к официальным или товарищеским матчам. Он здорово разбирался в футболе, обращал внимание на такие детали и нюансы, что общение с ним было не только приятным, но и полезным. Во время одной из встреч в Новогорске я полусуто сказал ему, что из него вышел бы прекрасный тренер. Озеров, ему тогда было около 50 лет, внимательно посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: «Муртаз, мне уже поздно менять профессию, тренерскую работу надо начинать в молодости – не позже 35-38 лет».

Диас Омаров (1940-2020) – полузащитник алма-атинского «Кайрата» в 1959-1964 годах, спортивный журналист и комментатор, академик Академии журналистики. Его называли «казахским Озеровым»:

«Первая ассоциация при

упоминании Николая Озерова – ощущение праздника, который он постоянно создавал в эфире. Даже неизбежные в репортажах общие места, дежурные фразы, повторяемые из матча в матч, звучали в исполнении Озерова так, словно они придуманы только что. Спорт – это праздник, множество красок, вулкан страстей. В этом очарование озеровских репортажей. В них светлая жизнерадостность, ясная гармония, великолепная техника исполнения – все признаки античной классики. И он остался классиком спортивного репортажа, а персонажи его передач сродни античным героям.

Мне приходилось часто встречаться с Николаем Николаевичем в зените его славы – на Спартакиадах народов СССР, двух Олимпиадах и т.д. Он был необыкновенно популярен. Бывали случаи, когда мне приходилось ему звонить от моих московских знакомых, чтобы условиться и пройти вместе с ним в комментаторскую кабину: с пропусками всегда была проблема. Звонил как-то я из квартиры, где встречался с первым ведущим «Клуба путешественников» Владимиром Шнейдером и кинорежиссером Татьяной Лиозновой, из квартиры, куда по-соседски заходили актеры Алла Ларионова и Николай Рыбников. Так вот, во время таких телефонных переговоров хозяйка и их гости замирали от волнения, что неповторимый голос Озерова звучит не в необъятном эфире, а в их телефонной трубке. А когда я сообщал, что Николай Николаевич предлагает заехать за мной на своей «Волге», то я и сам поднимался в их глазах. Но я старался не утруждать Озерова, и быть его

пассажиром мне не довелось.

Замечательную историю о его «Волге» рассказал мне Михаил Марин, блистательный спортивный журналист из Горького. Который и тогда, четверть века назад, он называл себя нижегородцем. Когда Озеров получил разрешение приобрести «Волгу» (в те времена требовалось разрешение органов власти, чтобы приобрести машину вне очереди), его пригласили на Горьковский автозавод и на его глазах собрали новый автомобиль. Это было проявлением всенародной, без преувеличения, любви к Николаю Озерову.

Что было такого уникального в Озерове, почему он при жизни стал легендой? Этот вопрос часто задают мне молодые коллеги. Тембр голоса, умение поддерживать темп. И еще он всегда был интересен, выкручиваясь даже из самых сложных ситуаций, в которые нередко попадают комментаторы».

Модестас Паулаускас – выдающийся баскетболист, чемпион Олимпийских игр 1972 года, двукратный чемпион мира, четырехкратный чемпион Европы, капитан каунасского «Жальгириса» в 1966-1975-х, капитан сборной СССР в 1969-1974 годах.

«Еще в юности я часто смотрел репортажи с футбольных и хоккейных матчей, которые вел Николай Озеров. Он был не только профессионалом высочайшего класса с глубоким знанием спорта и культуры, но и очень зажигательным человеком с приятным тембром голоса. Его особая манера ведения репортажа и общения со спортсменами и тренерами вдохновляла и меня, и моих коллег. Баскетболисты очень любят футбол, и во время сборов команды СССР в Подмоскovie тренеры и игроки часто ходили на футбольные матчи в Лужниках. А если, в силу каких-то причин, не могли этого сделать, то смотрели главные игры по телевизору и наслаждались комментаторским искусством Николая Николаевича. Он никого без причины не хвалил и не критиковал, всегда был очень точен. Специалисты прислушивались к его мнению. Николай Озеров, великий комментатор и блестящий теннисист, навсегда вошел в историю спорта».

boedovtheatre.ge gribodovtheatre.ge gribodovtheatre.ge

2022-2023

თბილისის ა. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო რუსული დრამატული თეატრი

საზღვრის 177 სეზონი

სახალისო ანიმაციების დეკემბერი

დეკემბერი

25 კვ., 26 ორშ., 27 სამშ.

გადის სარუჟარი
 მუსიკალური ზღაპარი
 28 ოთხშ.

ნამცეცა
 პ.კ. ანდერსენი
 მუსიკალური წარმოდგენა
 29 ხუთშ.

კარლსონის თავგანსაზვარი
 ა. ლინდგრენი
 მუსიკალური წარმოდგენა
 30 პარ.

მაუგლი
 რ. კილინი
 მუსიკალური წარმოდგენა

იანვარი

3 სამშ., 4 ოთხშ., 5 ხუთშ.

თოვლის დადოვარი
 პ.კ. ანდერსენი
 მუსიკალური ზღაპარი
 6 პარ.

მაუგლი
 რ. კილინი
 მუსიკალური წარმოდგენა
 7 შაბ.

კარლსონის თავგანსაზვარი
 ა. ლინდგრენი
 მუსიკალური წარმოდგენა
 8 კვ., 9 ორშ., 10 სამშ.

გადის სარუჟარი
 მუსიკალური ზღაპარი
 საბავშვო კლასის ფასიანი 12.00 დიდი დარბაზი

თეატრის საზღვრის ხელშეწყობილი ავთანდილ ვარსმაშვილი სახელობის პრემიის ლაურეატი კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი
 2 93-11-06, 2 93-43-36

თბილისის ა. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო რუსული დრამატული თეატრი

2022-2023

Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

საზღვრის 177 სეზონი

В ДНИ НОВОГОДНИХ КАНИКУЛ

ДЕКАБРЬ

25 вс., 26 пн., 27 вт.

Премьера Н. Калитин

ПОДАРОК СУДЬБЫ
 Музыкальная сказка
 28 ср.

Г.Х. Андриен

ДОЙМОВОЧКА
 Музыкальное представление
 29 чт.

А. Зингер

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРЛСОНА
 Музыкальное представление
 30 пт.

Р. Килини

МАУГЛИ
 Музыкальное представление

ЯНВАРЬ

3 вт., 4 ср., 5 чт.

Г.Х. Андриен

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА
 Музыкальная сказка
 6 ш.

Р. Килини

МАУГЛИ
 Музыкальное представление
 7 сб.

А. Зингер

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРЛСОНА
 Музыкальное представление
 8 вс., 9 пн., 10 вт.

Премьера Н. Калитин

ПОДАРОК СУДЬБЫ
 Музыкальная сказка
 Начало спектакля в 12.00 Большой зал

Художественный руководитель театра Автандил Варсмашвили лауреат Государственной премии Грузии лауреат премии им. Котэ Марджанишвили
 2 93-11-06, 2 93-43-36

boedovtheatre.ge gribodovtheatre.ge

Церковь Святого Давида на горе Мтацминда

Фото: **Серго Эдишерашвили**